

Томас
ГАРДИ

*Мэс из рода
д'Эрбервиллей*

Томас Гарди Тэсс из рода д'Эрбервиллей

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138104

*Тэсс из рода д'Эрбервиллей : роман / Томас Гарди ; [пер. с англ. А. В. Кривцовой].: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-53836-2*

Аннотация

В романе Томаса Гарди (1840—1928) рассказывается о печальной судьбе девушки, наделенной красотой и тонко чувствующей душой. Проклятие, лежащее на Тэсс, обрекает ее расплачиваться за преступления некогда могущественных предков. Готовая пожертвовать собой ради близких, она протестует против грубого посягательства на человеческое достоинство и вынуждена совершить убийство.

Содержание

Предисловие	4
Фаза первая	13
I	13
II	17
III	21
IV	25
V	31
VI	38
VII	41
VIII	44
IX	47
X	51
XI	56
Фаза вторая	60
XII	60
XIII	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Томас Гарди

Тэсс из рода д'Эрбервиллей

Предисловие

Ни одна из книг Томаса Гарди не оставляет столь цельного впечатления, как роман «Тэсс из рода д'Эрбервиллей». В читательской памяти имя писателя обычно связано с этой книгой. Особенно трогает и запечатлевается образ героини, наделенной редким обаянием. Пожалуй, именно женский образ способен был во всей непосредственности, с тончайшими оттенками передать характер переживаний Гарди. В радости и страданиях женской души, пламенной и самоотверженной, но легкоранимой, беззащитной перед грубой силой, выразились и его омраченная печалью восторженность, и переполнявшие его горечь и негодование.

«Тэсс из рода д'Эрбервиллей» – история недолгой жизни простой крестьянки, милой, обаятельной женщины, поруганной и загубленной.

«Почему, – спрашивает писатель, – случилось так, что эта прекрасная женская душа, чувствительная, как паутинка, и, в сущности, чистая, как снег, обречена была носить клеймо?.. Почему так часто грубое берет верх?..»

Последовательно, фаза за фазой – в книге их семь, семь периодов в личной судьбе героини, – проследживает автор развитие событий и духовную эволюцию Тэсс, выявляя причины ее трагедии. Эта веселая, скромная, нежная девушка из Блекмурской долины, когда читатель впервые встречается с ней – на сельском празднике Майского дня, – еще вся в ожидании: «сосуд эмоций, не окрашенных опытом». От переломного момента, а главное, от обстоятельств зависит, как раскроет себя, свои человеческие свойства сосредоточенная в ней жизненная сила – на радость или горе. Все оборачивается мрачной стороной в столкновении обездоленной девушки с обществом, с его нравами и порядками.

Лишения и нужда гонят Тэсс из родного дома. Она становится жертвой беспутства богатого бездельника Алека д'Эрбервилля. Общественное мнение преследует ее тупыми и ханжескими заповедями. «Погибель твоя не дремлет», – страшит апостольским текстом бездушный ревнитель Христова учения. Тэсс мучительно переживает свое «падение». Ее скорбь и подавленность усиливаются ввиду отсутствия независимого суждения и протеста: лишь смутно в ней пробивается сомнение, мысль о несправедливости, незаслуженном наказании за «грех», о котором она не помышляла, которого сторонилась.

Едва гнет нужды и предрассудков слабнет, жизнь, пульсирующая в Тэсс, расцветает, согретая надеждой. В ней распускается светлое, возвышенное чувство. Перед читателем возникает поэтичный образ деревенской девушки, доильщицы на молочной ферме Тэлботейс. Блекнут обступившие ее «мрачные призраки». Однако возлюбленный Тэсс с символическим именем Энджел (Angel – ангел) оказывается ангелом черствой добродетели. Чистосердечную исповедь навсегда преданной ему души он, по природе человек мягкий, прямодушный, отзывчивый, встречает с холодной жестокостью. Сразу тускнеют радужные краски мимолетной идиллии, обнажая суровую реальность. Развеиваются многие наивные представления героини, крепнет в ней чувство свободы, требование справедливости. Измученная, снова искушаемая тем, кто причинил ей столько зла, Тэсс становится к тому же и невольной причиной несчастья близких ей людей и ради них идет на роковую жертву. Однако она не может изменить себе, тому, что делает ее чистой женщиной, и в порыве возмущения и отчаяния убивает соблазнителя, видя в нем причину всех бедствий своей загубленной жизни.

Тэсс обрекают на муки, толкают на преступление и наконец казнят. Нужда, бесправие, жестокость закона, догматизм и лицемерие, власть предрассудков – сборище злых сил действует совокупно, толкая ее к последней черте, попирая и губя человечность.

Типичность судьбы Тэсс подчеркивается трагедией ее подруг – батрачек Мэриэн, Изз и Рэтти. Лишения, безработица, личная неустроенность приводят их всех на ферму Флинтком-Эш, а здесь их ждет изнуряющий и безысходный труд. Ломается жизнь милой и доброй Мэриэн, слабнет ее воля к сопротивлению невзгодам, единственную отраду она находит в вине. Вянут, не изведав радости, Изз и Рэтти. Дополняет картину исковерканная жизнь Энджела Клэра – одного из центральных персонажей. Он поставлен в иные условия, принадлежит к привилегированному слою, и драматизм его положения определяется по преимуществу причинами морального порядка.

Энджел не похож на правоверных представителей своей среды с их мелким снобизмом и самодовольной приверженностью к установленному порядку вещей. Он выгодно отличается от братьев Катберта и Феликса, отмеченных сатирической авторской характеристикой. Ему претит религиозная взвинченность и чопорная добродетель Мерси Чант, которую прочат ему в жены его родители. Энджел Клэр – «человек с чистой совестью», с похвальным стремлением отстоять независимость своих убеждений. Этот сын сельского пастора высказывает еретические суждения, атеистические мысли, отрицает за узкой группой право выдавать свои ограниченные представления за всеобщие истины, склонен отдаться искреннему порыву, шагнуть через сословные барьеры и своими руками делать свое счастье. Однако его свободомыслие неглубоко и непрочно. Устремленность к возвышенному в нем рассудочна, чувства зажаты сухой логикой и скованы догмой. «Завзятый бунтарь», он на деле оказывается «рабом условностей». Только потрясение вызывает запоздалый поворот в его чувствах.

Падение женщины – эта тема большой литературы настораживала и пугала ханжей и ретивых блюстителей нравственности. Эта тема задевала живое чувство, волновала воображение, всегда могла стать слишком злободневной. Многие английские писатели, предшественники Гарди, привлекая к ней внимание, делали горькие наблюдения, будившие совесть, будоражившие мысль. Однако никто из них не связал с этой темой столько кричащих вопросов, не тронул так резко больное место, не высказал столь жестокого упрека. «Падшую» Тэсс он назвал «чистой женщиной» и заявил, что говорит только правду. О «подлой» батрачке он писал восхищенно, любясь возвышенностью и красотой ее чувств, с презрением отталкивая укоренившееся ханжество, цинизм и предрассудки, церковную и сословную пропись. Тэсс – воплощение мягкой женственности, ее трепетная импульсивность целомудренна, внутренние порывы отзывчивы и великодушны. Это не вымученная, не розовая чистота – обаятельность героини осязаема, и потому образ ее так притягателен... «Бедное поруганное имя! Сердце мое, как ложе, приютит тебя» – сострадание и вызов в этом эпиграфе – шекспировских строках.

Тэсс – трагический персонаж. Однако ни страсть, ни волевое устремление, ломающее препятствия, сталкивающее разногласные интересы, не владеют ею. Душевная чистота – пленительное и безобидное свойство – вот ее пафос. Казалось бы, нет места для трагического конфликта. Но именно это свойство, нежелание Тэсс поступиться своей правотой, пойти на уступки, хотя бы и сулящие выгоду, придают ее положению особый драматизм.

Гарди и ранее красноречиво говорил о трагической гибели добродетели. Прообраз Тэсс возник еще в романе «Вдали от обезумевшей толпы», где рассказана печальная история бедной девушки Фанни Робин, обманутой беспутным молодым человеком. Но тогда эта тема не стояла в центре, многое оставалось недоговоренным, острота сглаживалась, роман венчала счастливая концовка.

В «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» гибель доброго начала, красоты, человечности не эпизод. Тэсс, однажды жертва бесшабашного соблазителя, обречена быть жертвой навсегда:

«таков закон» – власть грубых и циничных обстоятельств, одобряющих зло, на которое привилегированная посредственность взирает снисходительно.

Автор «Тэсс» ополчался против догм, вскрывал относительность и несостоятельность ходячих мнений и философских афоризмов, когда они подкрепляли заблуждение, служили проповеди насилия или смирения, оправдывали социальное зло. «Все суета», – машинально, в состоянии крайней душевной подавленности, повторяет Тэсс, пока ей не приходит в голову, что «к современной жизни эти слова совсем не подходят. Так думал Соломон свыше двух тысяч лет назад, – развивает мысль повествователь, – а Тэсс, хотя и не принадлежала к категории мыслителей, ушла значительно дальше. Если все суета, то кому вздумалось бы обращать на это внимание? Увы, все было хуже, чем суета, – несправедливость, кара, расплата, смерть!» Когда Гарди спрашивает: «Хотелось бы знать, откуда почерпнул поэт (Уильям Вордсворт, 1770–1850. – М.У.) право говорить о «священном плане Природы», – поэт, чья философия почитается в наши дни глубокой, а стихи – легкими и прозрачными», в горькой иронии его вопроса – протест против викторианского филистерского оптимизма, искавшего себе поддержки в ложной идее божьего провидения. Разоблачая социальное зло, Гарди не прошел мимо разносторонних попыток объяснить и оправдать его доводами от Природы. Он выступает против либеральных глашатаев викторианского благополучия, усматривавших в «поведении Природы» некий тайный счастливый промысел, якобы способный оправдать социальную несправедливость.

«Тэсс из рода д'Эрбервиллей» не хотели печатать. «Если писатель когда-нибудь и плачет, – заявил Гарди, – то, вероятно, когда он впервые узнает, как дорого приходится платить за право писать на английском языке».

Роман был изрядно покалечен, прежде чем ему позволили появиться в свет. Впоследствии Гарди с трудом восстанавливал «изъятия», и борьба с издателями и критиками удручала его до крайности.

Автора «Тэсс» обвиняли в безнравственности, осуждали за пессимизм. «Пусть наконец будет правда», – отвечал писатель. Им действительно овладевали тягостные думы, и воображение рисовало мрачные видения, но нравственное чувство не изменяло ему, и не колебалась в нем вера в человека. Многострадальная Тэсс тянется к свету, к радости, жаждет счастья – столько в ней, в этом простом человеке, жизненных сил, светлой неустрашимой любви. Мэриэн, Изз, Рэтти – все они привлекают душевностью, чувством верной дружбы, способностью поступиться личным интересом. Люди труда, чистые сердцем и сильные духом, воодушевляли Гарди. В народной среде находит он образы мужества, трезвость и прямоту суждений, бескорыстие помыслов и поступков, искренность и возвышенность чувства.

В романе «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» неоднократно встречаются описания сельских работ – жатвы, молотьбы, копки свеклы. Это отнюдь не фон и не декоративный элемент, а часть картины, нечто в ней столь важное, без чего не составить цельного впечатления и не оценить по достоинству глубокий демократизм идейных и эстетических устремлений Гарди.

Тэсс, ставшая матерью внебрачного ребенка, терзает и томит «свое трепещущее сердце всеми муками сожаления, какие только может придумать одинокое и неопытное существо...». Потребность быть полезной и независимой приводит ее на полевые работы, и здесь, среди тружеников, начинают рассеиваться ее нравственные горести, она преображается и спокойно смотрит в глаза людям.

В изображении Гарди интимные – радостные и драматические – переживания обычно не изолированы от повседневности, от всего будничного распорядка. Страстные порывы чувств возникают и в самой обыденной обстановке. Предметы, явления привычного обихода способствуют у него полноте и цельности воспроизведения характеров, в передаче тонких и сложных моментов чувства достигается впечатление живой реальности и простоты, вос-

торженное удерживается в рамках естественного, не переходит в выпренное. Сцена дойки коров оказывается сценой лирического объяснения, страстной и значительной, и маленький штрих невольно и очень кстати вызывает теплую улыбку: «Старая Красотка в недоумении оглянулась; видя, что подле нее, вопреки всем обычаям, установившимся с незапамятных времен, сидит не один, а двое, она сердито подняла заднюю ногу». Это как раз после взволнованного шепота Клэра: «Я... я не знал, что делаю. Я не хотел быть дерзким. Я предан вам всей душой, Тэсси, милая!»

Гарди не разгораживает стеной романтическое и обыденное, он и не путает их, не мешает в безликое одно. Он оживляет примелькавшееся, поворачивая его необычной стороной, может оттенить, расцветить его привнесением необычной подробности или столкнуть и обнажить контрасты.

Когда Тэсс и Клэр едут под дождем по размокшей дороге с бидонами молока (гл. XXX) и Клэр, волнуемый одной страстью, тревожимый одной мыслью, ждет, что же скажет ему любимая, согласится ли стать его женой, в ответ он слышит «только хлюпанье копыт по грязи да плеск молока в бидонах». На фоне неба вырисовываются развалины старого замка. Клэр рассказывает о нем, о древнем нормандском роде д'Эрбервиллей – настроение перемещается, контрастными слоями набегают и сплетаются ассоциации, лирическая тема усложняется, а в конечном счете в маленьком эпизоде разматывается сложный клубок мыслей, беспокоивших автора. Величественная Эгдонская степь и железнодорожная станция со слабым светом закоптелой лампы – «жалкой земной звезды, которая, впрочем, имела в некотором смысле больше значения для обитателей мызы Тэлботейс и всего человечества, чем небесные светила, хотя далеко ей было до них», – реальная картина и вместе с тем инокавание, образы-символы, возбуждающие неприязненное чувство к цивилизации, отталкивающей своим бездушием, механической жестокостью.

В повествовании о батрачке Тэсс раскрывается не только лирическая тема – писатель говорит о жизни простого человека и о судьбе английского крестьянства.

Дарбейфилды – могикане старой английской деревни. Они принадлежат к числу семей, которые, по словам Гарди, составляли в прошлом ее костяк. Их гонят из родных мест «в интересах нравственности», и горестная судьба батрачки Тэсс – эпилог большой трагедии.

Роман «Тэсс из рода д'Эрбервиллей», как и многие другие произведения Гарди, указывает на глубокую внутреннюю связь его творчества с сельской Англией, с ее потрясениями в кризисную эпоху.

В первой трети XIX века в английской деревне еще сохранялось мелкое крестьянство как особый социальный слой. На родине писателя в Дорсетшире и соседних юго-западных графствах многие обычаи, черты быта и нравов патриархальной Англии держались сравнительно долго. Однако к концу века от прежней деревни почти не осталось и следа. Исчезли мелкие землевладельцы и пожизненные арендаторы, не работавшие на чужих фермах, проявлявшие известную самостоятельность и независимость по отношению к помещику и фермеру. Оседлые батраки вытеснялись «бродячими». Рушилось длительное постоянство внешних связей, исчезала многовековая традиция, были, как говорит Гарди, «преданы вечному забвению деревенские легенды – огромная масса незаписанного фольклора, местная хроника, местная топография и терминология».

Многим персонажам Гарди, хотя бы той же Мэриэн, Изз или Рэтти, свойственна вера в судьбу. «Они выросли в глухих деревушках, где фатализм глубоко пустил корни», – поясняет автор. Слепая вера в господство неведомой и неотвратимой силы, характерная для сознания патриархального крестьянина, оставляет в их душе заметный след, производит пагубное влияние: парализует волю, склоняет к смирению. Она одновременно притупляет и некоторые отрицательные чувства. Подруги Тэсс не испытывают к ней зависти, злобы – личные неудачи, драматические события принимаются ими просто: «так угодно было судьбе».

Конечно, они руководствуются не только фаталистической формулой: они искренне восхищаются Тэсс, любят и уважают ее, признают ее нравственное превосходство. Психологический анализ у Гарди обычно глубок и точен, не ограничивается поверхностным и очевидным, раскрывает мотивы поведения в их сложности и противоречиях. Это в равной мере относится к Изз Хьюэт, к Энджелу Клэру и к Алеку д'Эрбервиллю. Последний представлен отнюдь не лубочным злодеем.

Смирение чувств и стоическое достоинство нередко служили в более ранних романах Гарди залогом перемены к лучшему: в итоге судьба оказывала милостивое снисхождение своей жертве. Так, например, было с Элизабет-Джейн («Мэр Кестербриджа»). Не то здесь: смирение и стоицизм девушек-батрачек не приносят им ни отрады, ни утешения. В ходе событий проясняется, почему именно «так было суждено», раскрываются реальные истоки «роковых» горестей, редуют и тают упования на благодетельную силу смиренной кротости.

Когда в 1912 году Гарди готовил собрание своей прозы, он объединил – на основе общности замысла, темы, принципа изображения – «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» и шесть других романов («Под деревом зеленым», «Вдали от обезумевшей толпы», «Возвращение на родину», «В лесном краю», «Мэр Кестербриджа», «Джуд Незаметный») в серию «Романы характеров и среды». В них представлена сельская и провинциальная Англия 30—80-х годов XIX столетия. Описывая ее быстро меняющийся облик, нарастание противоречий между городом и деревней, автор создает целую систему образов-символов, в которых с отчетливой наглядностью выразилось его отношение к этому конфликту.

Действие романов Гарди, а также его повестей и рассказов обычно связано с одной и той же местностью на юге Англии, с родным ему краем. Пользуясь старинным наименованием, он называет его Уэссексом. В Средние века здесь, в Дорсетшире, где родился писатель, и прилегающих графствах, было одно из королевств древних саксов. Уэссекс, «восхитительный», как отзывается о нем писатель, – образ неповторимый и многогранный. Это и природа милого края, воспетая им, и простой его люд, изображенный с любовью, и многовековая его история, запечатлевшаяся в характерах, быте, нравах, в памятниках старины.

Символичен образ Эгдона – вересковой степи, с чарующей картинностью описанной в романе «Возвращение на родину». Символичны названия первых трех книг серии: «Под деревом зеленым» (1872), «Вдали от обезумевшей толпы» (1874), «Возвращение на родину» (1878).

«Под деревом зеленым» – слова из английской народной баллады, которую персонажи шекспировской комедии «Как вам это понравится» распевают в Арденнском лесу, – своеобразной утопии. Слова эти могут служить ключом к пониманию замысла романа. «Под деревом зеленым» – патриархальный мирок, изолированный от покрытого копотью города с его контрастами и противоречиями.

Гарди искал социальную почву, способную взрастить подлинно человеческие отношения. Ему казалось, что в поисках идеала не стоит устремляться вперед, можно удовлетвориться трудовой патриархальной жизнью на лоне природы. С наслаждением и упованием показывал он глухие уголки, уцелевшие неподалеку от крупных городов, порой по детали восстанавливал целую картину. Утопические представления писателя, его попытки отмахнуться от неизбежного, осудить прогресс или приспособить нововведения к старым условиям сказывались в идеализации патриархальной ограниченности, в слабой обрисовке характеров, лишенной типической значительности. Однако сам же писатель показывает, как действительность опрокидывает умозрительные построения: под кронами его «зеленого дерева» возникают далеко не идиллические сцены.

«Вдали от обезумевшей толпы» – опять-таки цитата, на этот раз из «Элегии на сельском кладбище» Томаса Грея, в которой английский поэт XVIII века воспевал патриархального крестьянина, его быт, чуждый городскому. «Вдали от обезумевшей толпы» – это, следова-

тельно, вдали от города, от цивилизации и все под тем же «деревом зеленым». «Обезумевшая толпа» – обобщенный образ с резко выраженной эмоциональной оценкой. Это все то, что враждебно «Уэссексу», подрывает и губит его: корыстолюбие и эгоизм собственника, разжигаемые ими слепые страсти, душевная суета, внешний лоск и нравственная опустошенность... Автор по-прежнему ищет выход в бегстве от действительности, лелея мечту о «старой веселой Англии», но чувство жизни, трезвость взгляда приходят в столкновение со столь дорогими ему иллюзиями. Все реже слышен «под деревом зеленым» шум веселого дружного хоровода, омрачилась и нарушилась сельская идиллия – писатель не мог не ощущать беспочвенность своей утопии.

«Возвращение на родину» – возвращение в родной Уэссекс из цитадели «обезумевшей толпы». Та же коллизия выражена здесь еще более резко и контрастно. Уже само место действия – Эгдонская вересковая степь, связанная с именем легендарного короля Лира, – придает произведению трагический колорит. Если «Под деревом зеленым» напоминает о веселых изгнанниках, нашедших безмятежный приют в Арденнском лесу, то Эгдонская степь – о старом бездомном Лире, застигнутом бурей.

Трезвое чувство действительности все сильнее берет верх над личными симпатиями. Гарди сознает невозможность возврата к прошлому, видит ограниченность патриархального существования, хотя и продолжает сокрушаться о его гибели.

Символика заглавий, свойственная трем первым книгам серии «Романы характеров и среды», исчезает в четвертой книге: «Мэр Кестербриджа. Жизнь и смерть человека с характером». Гарди концентрирует внимание на индивидуальном герое – простом человеке, выступает в его защиту, видя в его печальной судьбе отражение народной трагедии. В центральной фигуре и вокруг нее сосредоточивается борение чувств, с нею связываются проблемы, ранее волновавшие писателя или вновь возникшие перед ним.

В Тэсс глубок отпечаток трудовой патриархальной среды с ее светлой и темной сторонами, среды, отжившей свой век. Пленяющая цельность, непосредственность и бескорыстие чувств сочетаются в героине с отсталыми представлениями, наивной созерцательностью, беспочвенной одухотворенностью, душевной уязвимостью. Суеверный страх тяготит ее дух, ослабляет, а временами и вовсе парализует волю, редко-редко в самозабвении преодолевает она изнуряющее состояние тревоги. Многие черты сближают ее с Маргаритой из трагедии Гете «Фауст» – поэтическим воплощением патриархально-идиллической гармонии. В отличие от Маргариты Тэсс способна бросить вызов, выдержать испытания – если бы не мягкотелость Энджела, если бы не замкнутость в узком кругу, из которого нет выхода. Приноровленность Тэсс к движению вперед, к быстрому развитию, к решительной перемене – примечательное ее свойство, отмеченное автором, однако не раскрытое им во всем его реальном значении.

В сюжет романа «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» привнесены мотивы, которые, расширяя рамки основной темы, в то же время склонны так сместить перспективу, что реальное может стать фантастическим, преходящее – принять вид извечного, злосчастье – быть увязано с господством слепого рока над людьми.

Джон Дарбейфилд, родитель Тэсс, не просто пожизненный арендатор, он «сэр Джон», нисходит «по прямой линии от древней рыцарской семьи». Героиня не обычная крестьянка, она Тэсс из рода д'Эрбервиллей. Она «д'Эрбервилль по крови», которая передает ее отцу чахлую энергию угасшего рода, а ей – утонченность чувств и восприимчивость к страданию. Тэсс несет на себе проклятие, обречена расплачиваться за преступления некогда могущественных предков, жестоких и властных феодалов. Злые силы жаждут возмездия и испугательной жертвы.

Вдову «сэра Джона» и его детей выселяют: «Дарбейфилдов, бывших некогда д'Эрбервиллями, постигла та же участь, на какую, без сомнения, в бытность свою олимпийскими

богами графства, обрекали они, и довольно жестоко, таких же безземельных, какими стали теперь сами».

Алек д'Эрбервилль с холодным расчетом использует наивность и беспомощность Тэсс: «Несомненно, в былые времена кто-нибудь из одетых в кольчугу предков Тэсс д'Эрбервилль, возвращаясь навеселе домой после битвы, причинял деревенским девушкам то же зло, если не с большей жестокостью». Героине являются зловещие предзнаменования, словно в романтической трагедии рока. Древнее предание, легенда о карете д'Эрбервиллей, вплетается в события, освещая их таинственным светом. Стук этой странной кареты раздается как предвестник надвигающегося на Тэсс несчастья.

Не следует преувеличивать роли этих мотивов, того, что часто оказывается лишь «фантастической формой», облекающей реалистический замысел писателя. Нельзя не видеть горькой иронии в той настойчивости, с какой он говорит о Тэсс как о наследнице рыцарей-феодалов. Все же эта ирония связана с фаталистической идеей, усугубляющей мрачный колорит романа. Две одинокие фигуры, потрясенные и опечаленные, Клэр и Лиза Лу, бредущие по дороге в тот час, когда свершается «правосудие», излучают свет надежды, но робкий, символический, являют пример стоического сопротивления невзгодам, взывая больше всего о сострадании.

Тэсс среди мегалитов Стоунхенджа – развалин древнего языческого храма, в котором приносились жертвы Солнцу, – патетическая сцена, построенная на контрасте между романтической приподнятостью, мужественной и нежной человечностью и мертвящей обыденностью, механической жестокостью.

Необычность площадки действия, одновременно реальной и фантастической, контрастная живопись и строгая пластика отвечают замыслу автора, его намерению показать героиню-жертву простой и величественной, противопоставить язычески светлое мироощущение, живое доброе чувство, чистое сердце – догме, фальши, бесчеловечности религиозно-филистерской морали и казенной законности. Сцена выразительна и эффектна. И все же трудно освободиться от ощущения театральности. Не случайно здесь преобладает изобразительность романтического искусства, в то время как большинство эпизодов книги выдержано в реалистической манере.

Лунатические блуждания Энджела Клэра, алое пятно на потолке, напоминающее «гигантского туза червей», – кровь убитого Алека д'Эрбервилля, ее мерное капание в мертвой тишине – детали, более свойственные «сенсационному роману» Уилки Коллинза, автора хорошо известных у нас «Лунного камня» и «Женщины в белом».

Углубление реализма, острота и страстность в защите демократических убеждений, сам материал, не терпящий эпического спокойствия, ломка и движение характеров, требующие убедительной психологической мотивировки, – все это сказалось на повествовательной манере Гарди.

Отчетливее, чем в «Мэре Кестербриджа» и других, более ранних его романах, выражена в «Тэсс» публицистическая струя. «Будем говорить честно», – вдруг прерывает автор рассказ о том, как радость бытия в переменившихся к лучшему условиях берет в героине верх над придавленностью, усиленной предрассудками, и доказательством от действительности опрокидывает скудоумные положения «любезных теоретиков», как он называет схоластов и догматиков своего времени. Наряду с подобного рода прямым обращением к читателю Гарди более настойчиво, чем ранее, изыскивает способы косвенного выявления авторской точки зрения, стремится выразить ее так, чтобы она была очевидной, но ненавязчивой. Дважды приводит он текст последнего письма Тэсс, подчеркивая этим его значение и свое одобрение тому, что в нем сказано. Преодолев чувство самоуничижения перед Клэром, Тэсс осуждает за жестокость своего супруга: он пренебрег особенностями случая в угоду схеме, предпочел быть «справедливым» по мерке, вместо того чтобы «быть чуточку добрее».

Заметно возросла роль сатирических характеристик и оценок. Оригинальные, меткие, они больше всего затрагивают духовенство, бездушных служителей церкви, юродивых во Христе, лицемерных ревнителей нравственности.

Бытовая тема, очень важная для Гарди, приобретает новые оттенки. Относительная цельность патриархальной среды в романе «Под деревом зеленым» дает почву для веселого юмора и шутиливой иронии. Постепенно беззаботность и веселье уступают место более сложному и суровому настроению. Окончательный распад и полное исчезновение патриархальных связей, некогда глубоких и прочных, отзывается в бытовом материале романа «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» ироническим и иронико-трагическим гротеском. В экспозиции бытовой гротесковый штрих связан с фигурой Джона Дарбейфилда, подвыпившего разносчика, узнающего случайно, что он потомок рыцарей и наследник... их «знатных скелетов». Некоторая передышка в сюжете, возникающая при описании харчевни «Чистая капля» и застольного собрания в трактире Ролливера, где восседает и сэр Джон («чуть-чуть» не сэр Джон Фальстаф), лишь подводит к трагическому эпизоду, оттеняя его: Тэсс и ее маленький брат Абрэхэм едут ночью вместо отца, обессиленного впечатлениями дня и выпитым под вечер, на своем захудалом Принце, говорят о «подгнившей планете», и на пути на них обрушивается непоправимое несчастье.

Употребление «внутренней речи», связанное с поисками новых средств реалистической передачи психологических переживаний и косвенных форм выражения авторского мнения, участилось, стали разнообразнее стилистические ее функции. Высказывания автора и персонажей смыкаются теперь несравненно чаще, особенно тогда, когда писатель хочет выразить сочувствие переживаниям положительного действующего лица, поддержать его своим авторитетом.

Все же Гарди предпочитает описывать, а не изображать сложные психологические состояния, не воспроизводить непосредственно «диалектику чувства» и в малой степени передает своеобразие высказываний про себя. Как бы то ни было, повествовательная манера писателя претерпевала разносторонние изменения, обогащалась, становилась более гибкой.

Едва роман «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» вышел в свет, он привлек к себе широкое внимание, и не только на родине писателя: один за другим начали появляться его переводы – в 1893 году он был опубликован в журнале «Русская мысль». До Гарди дошли сведения, что Л. Н. Толстой читал этот перевод и одобрительно отозвался о книге.

Роман «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» вызвал интерес в театральных кругах Англии, Америки и других стран. Гарди не одобрял переделок для сцены, считая, что с ними связаны невозместимые утраты. Все же после колебаний и сомнений он написал сценический вариант своего романа. Спектакль был поставлен в провинции и в Лондоне и прошел с большим успехом. Английским композитором Ф. д'Эрлангером была написана опера «Тэсс». Она была поставлена в 1906 году в Неаполе. В 1909 году Гарди присутствовал на ее репетициях в лондонском театре Ковент-Гарден и на первом ее представлении.

«Романы характеров и среды» – а «Тэсс» среди них самая популярная книга – оказали глубокое влияние на развитие английского романа XX века. Об этом можно судить, взглянув на творчество Д. Г. Лоуренса, Джона Голсуорси, Ричарда Олдингтона, Грэма Грина, Джеймса Олдриджа и многих других писателей Англии.

Тринадцатый по счету роман Гарди – «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» – оказался предпоследним его романом. Спустя четыре года, в 1895 году, вышел «Джуд Незаметный», и на самом подъеме творчества, при несомненной и широкой его популярности как романиста, Гарди «вдруг», неожиданно для себя и своих читателей, отошел от прозы. К разгадке этого внезапного события подводит его дневниковая запись от 17 октября 1896 года: «Быть может, я смогу в стихах полнее выразить мысли и чувства, противоречащие косному, застывшему мнению – твердому, как скала, – которое поддерживается множеством людей, вложивших

в него капитал». И далее: «Если бы Галилей сказал стихами, что земля вертится, инквизиция, возможно, оставила бы его в покое». Бесцеремонность издателей, усилившаяся травля в печати, угроза судебного преследования, пышущие злобой анонимки не прошли бесследно для творческой судьбы писателя.

Эта книга написана давно, она появилась в 1891 году. Многие в ней принадлежат своему времени, и слабости автора стали сейчас заметнее. Но задушевность, с какой он рассказывает печальную повесть, горечь, сострадание и возмущение, которые он испытывал, обаятельность образа чистой женщины, трагизм ее положения продолжают волновать, заставляют задуматься, вызывают искренний отклик.

М. УРНОВ

Фаза первая Девушка

...Бедное поруганное имя!

Сердце мое, как ложе, приютит тебя.

В. Шекспир

I

Однажды вечером во второй половине мая человек средних лет шел домой из Шестона в деревню Марлот, находившуюся неподалеку, в долине Блекмор, или Блекмур. Ноги его не слушались, и он то и дело отклонялся влево от прямой линии. Иногда он энергично кивал головой, словно в подтверждение какой-то мысли, хотя, в сущности, ни о чем определенном не думал. Пустая корзинка из-под яиц висела у него на руке; ворс на шляпе был взъерошен и совсем вытерт в том месте полей, где их касался большой палец, когда человек снимал шляпу. Вскоре с ним повстречался пожилой священник, который ехал на серой кобыле и мурлыкал какую-то песенку.

– Добрый вечер, – сказал человек с корзинкой.

– Добрый вечер, сэр Джон, – отозвался священник.

Пешеход, сделав еще два-три шага, остановился и оглянулся.

– Прошу прощения, сэр, в прошлый базарный день мы с вами встретились в это же время, на этой же дороге, и я сказал: «Добрый вечер», а вы, вот как сейчас, ответили: «*Добрый вечер, сэр Джон*».

– Совершенно верно, ответил, – сказал священник.

– И еще раз перед этим – почти месяц назад.

– Возможно.

– Ну так почему же вы меня зовете «сэр Джон», когда я просто Джек Дарбейфилд, возчик?

Священник подъехал к нему поближе.

– Так мне захотелось, – сказал он и, секунду поколебавшись, добавил: – Видите ли, не так давно я разыскивал родословные для новой истории графства и сделал одно открытие. Я – священник Трингхэм, антикварий из Стэгфут-Лейна. Неужели вы не знаете, Дарбейфилд, что вы происходите по прямой линии от древней рыцарской семьи д'Эрбервиллей, которые ведут свой род от сэра Пэгана д'Эрбервилля, того знаменитого рыцаря, что приехал из Нормандии с Вильгельмом Завоевателем, как видно из записей, хранящихся в аббатстве Бэттл?

– Никогда об этом не слыхивал, сэр.

– Однако это так. Приподнимите-ка голову, чтобы я мог получше разглядеть ваш профиль. Да, это нос и подбородок д'Эрбервиллей, слегка огрубевшие. Предок ваш был одним из тех двенадцати рыцарей, которые помогали лорду Эстремавилла в Нормандии при завоевании Глеморганшира. Ветви вашего рода владели поместьями в этой части Англии; имена ваших предков упоминаются в списках королевского казначея во времена короля Стефана. При короле Иоанне один из них был настолько богат, что мог подарить поместье рыцарям-госпитальерам, а при Эдуарде Втором ваш предок Брайан вызван был в Вестминстер для участия в Великом Совете. Ваш род начал приходить в упадок во времена Оливера Кромвеля, но потом положение опять изменилось, и при короле Карле Втором ваши предки за верность королю были посвящены в рыцари Королевского Дуба. В каждом поколении вашего

рода был сэр Джон, и будь рыцарское звание, подобно баронетству, наследственным, каковым оно на деле и являлось в былые времена, когда сын рыцаря почти всегда посвящался в рыцари, – вы были бы теперь сэром Джоном.

– Да не может быть!

– Короче говоря, – внушительно заключил священник, похлопывая себя хлыстом по ноге, – вряд ли в Англии найдется второй такой же род.

– Лопни мои глаза! Да неужто в самом деле? – сказал Дарбейфилд. – А я-то тут болтаюсь год за годом, как неприкаянный, словно самый что ни на есть простецкий парень в приходе!.. И давно это обо мне известно, сэр?

Священник объяснил, что, насколько он может судить, сведения эти давно затерялись и вряд ли кто-нибудь помнит сейчас об этом. Сам он прошлой весной, занимаясь изучением судьбы рода д'Эрбервиллей, заметил однажды на какой-то повозке фамилию Дарбейфилд, и это побудило его навести справки о родословной ее владельца, и теперь он уверен, что его предположение оказалось верным.

– Сначала я решил не тревожить вас такими бесполезными сообщениями, – сказал он. – Однако разум наш иногда не может справиться с нашими побуждениями. Я подумал: пожалуй, вам уже кое-что об этом известно.

– Да, я слышал разок-другой, что семья моя знавала лучшие дни до той поры, как приехала в Блекмур. Но я не обратил внимания, думал – речь идет о том, что когда-то мы имели двух лошадей, а теперь держим только одну. Есть у меня дома старая серебряная ложка и старая резная печать; но, господи помилуй, велика штука – резная печать!.. И подумать только, что я и эти благородные д'Эрбервилли – одна плоть и кровь! Люди толковали, что у прадеда моего была какая-то тайна и он не любил говорить о том, откуда пришел... А осмелюсь спросить вас, сэр, где поднимается теперь дым над нашим очагом, – ну, то есть, где мы, д'Эрбервилли, живем?

– Вы нигде не живете. Ваш род угас.

– Плохо дело.

– Да... как говорят лживые семейные хроники, род пресекся по мужской линии – иными словами, зачах, пришел в упадок.

– Ну а где мы лежим?

– В Кингсбир-суб-Гринхилле; там множество ваших склепов, и ваши изваяния покоятся под сводами из пурбекского мрамора.

– А где же наши родовые замки и поместья?

– У вас их нет.

– О! И земли нет?

– Никакой; хотя земли, как я уже сказал, у вас когда-то было много, ибо ваш род состоял из многочисленных ветвей. В этом графстве было у вас поместье в Кингсбуре и еще одно в Шертоне, а также в Милпонде, в Лулстедде и Уэллбридже.

– А вернется ли к нам когда-нибудь наша собственность?

– Ну, этого я не могу сказать.

– Так что же вы мне посоветуете делать, сэр? – помолчав, спросил Дарбейфилд.

– Ничего; а впрочем, попробуйте очистить свой дух, размышляя о «падении сильных мира сего». Все это представляет интерес лишь для историка здешних мест и человека, занимающегося генеалогией, – но и только. Среди поселян нашего графства есть несколько семейств, почти не уступающих вам в знатности происхождения. Ну, до свидания!

– А не согласитесь ли вы, сэр, повернуть по этому случаю назад и распить со мною кружку пива? В трактире «Чистая капля» подают очень хорошее пиво, – хотя, конечно, оно будет похуже, чем у Ролливера.

– Нет, благодарю вас, Дарбейфилд, – не сегодня: вы уже достаточно выпили.

С этими словами священник поехал своей дорогой, сомневаясь, благоразумно ли он поступил, сообщив эти любопытные сведения.

Когда он уехал, Дарбейфилд в глубокой задумчивости сделал несколько шагов, а затем присел на поросшую травой придорожную насыпь, поставив корзинку перед собой. Спустя несколько минут вдаль показался юноша, который шел в том же направлении, что и Дарбейфилд. Последний, заметив его, поднял руку; юноша ускорил шаги и подошел ближе.

– А ну, парень, возьми эту корзинку! Я хочу дать тебе поручение.

Долговязый юноша нахмурился:

– А вы кто такой будете, Джон Дарбейфилд, чтобы приказывать мне и называть меня «парень»? Вы мое имя знаете не хуже, чем я ваше.

– Да ты-то знаешь ли? Вот в чем секрет, вот в чем секрет! А теперь слушай меня и исполни поручение, которое я тебе дам... Ну, Фред, я, уж так и быть, открою тебе тайну: я происхожу из благородной семьи, – я это узнал только что, как раз сегодня вечером.

И, объявляя эту новость, Дарбейфилд, небрежно откинувшись, растянулся на траве среди маргариток. Юноша стоял перед Дарбейфилдом и оглядывал его с ног до головы.

– Сэр Джон д'Эрбервилль – вот кто я такой, – продолжал лежавший. – То есть был бы им, будь теперь рыцари баронетами, – а раньше ведь так оно и было... Все сведения обо мне занесены в историю. Известно ли тебе, парень, такое место – Кингсбир-суб-Гринхилл?

– Да. Я был там на гринхиллской ярмарке.

– Так вот, под церковью в этом городе лежат...

– Какой же это город – то местечко, о котором я говорю? Во всяком случае, когда я там был, оно городом не было – так себе, маленькое глухое местечко.

– Неважно, парень, город это или не город, не о том идет речь. Под церковью этого прихода в огромных свинцовых гробах, которые весят много тонн, лежат мои предки – сотни их – в кольчугах и драгоценностях. В графстве Саут-Уэссекс не найдется человека, который имел бы в своем роду покойников знатнее и благороднее моих.

– Да ну?

– Теперь бери эту корзинку и ступай в Марл от, а когда придешь в харчевню «Чистая капля», скажи, чтобы немедленно прислали за мной лошадь и карету отвезти меня домой. А в карету пусть положат бутылочку рому и запишут на мой счет. А когда ты это сделаешь, ступай с корзинкой ко мне домой и скажи моей жене, чтобы она отложила стирку, потому что ей незачем ее кончать, и пусть ждет, пока я не приеду, – есть у меня для нее новости.

Так как юноша стоял в нерешительности, Дарбейфилд сунул руку в карман и извлек шиллинг, хотя их у него было не так уж много.

– Вот тебе за труды, паренек.

После этого юноша оценил все случившееся совсем по-иному.

– Слушаю, сэр Джон. Благодарю вас. Чем еще могу вам служить, сэр Джон?

– Скажи им там, дома, что я бы хотел на ужин жареного барашка, если они могут его раздобыть; а если не могут – кровяную колбасу; а если и этого не могут, – ну, тогда я обойдусь рубцами.

– Слушаю, сэр Джон.

Юноша взял корзинку и тронулся было в путь, как вдруг с той стороны, где находилась деревня, донеслись звуки духового оркестра.

– Что это? – спросил Дарбейфилд. – Уж не в мою ли честь?

– Это гулянье женского клуба, сэр Джон. Да ведь ваша дочь в нем тоже состоит.

– Верно, я совсем об этом забыл, размышляя о более высоких предметах. Ну, отправляйся в Марлот и закажи карету, а я, может быть, поеду погляжу на этот клуб.

Юноша ушел, а Дарбейфилд остался лежать на траве в маргаритках, золотившихся в лучах заходящего солнца. Дорога была совсем пустынна, и только приглушенные расстоя-

нием звуки оркестра возвещали о присутствии людей в этой долине, окаймленной синими холмами.

II

Деревня Марлот расположена на северо-западном склоне красивой долины, которая, как говорилось выше, называется Блекмор, или Блекмур, – уединенной долины, опоясанной грядою гор и в большей своей части еще неведомой туристам и художникам-пейзажистам, хотя находится она в четырех часах езды от Лондона.

Лучше всего можно познакомиться с долиной, обозревая ее с вершин холмов, которые ее окружают, – неблагоприятным для этого временем является, пожалуй, только пора летних засух. Но блуждать без проводника по уединенным ее уголкам в плохую погоду – значит почти, наверное, возненавидеть эти узкие, извилистые и грязные тропы.

Эта плодородная и защищенная область, где поля никогда не бывают сожжены солнцем, а источники никогда не пересыхают, ограничена с юга крутым меловым кряжем с вершинами Хэмблдон-Хилл, Балбэрроу, Нетлком-Таут, Догбери, Хай-Стой и Баб-Даун. Путник с побережья, пройдя десятка два миль на север по известковым холмам и пашням и достигнув края одного из этих обрывов, с изумлением и восторгом созерцает раскинувшуюся у его ног, словно карта, страну, совсем непохожую на ту, которую он миновал. Позади него – пологие холмы, поля, залитые солнцем, такие обширные, что пейзаж кажется ничем не обрамленным; дороги там белы, живые изгороди низки и ветки их кустов густо переплелись, воздух бесцветен. А здесь, в долине, мир словно построен по меньшему и более изящному масштабу: поля невелики, и с высоты окаймляющие их живые изгороди кажутся сеткой из темно-зеленых нитей, растянутой на светло-зеленой траве. Воздух внизу дремотен и так густо окрашен лазурью, что средний план, говоря языком художников, также принимает синеватый оттенок, а дальше, на горизонте, темнеют глубокие ультрамариновые тона. Пахотной земли мало, и почти везде раскинулась широкая пышная мантия из травы и деревьев, одевающая более низкие холмы и долины, замкнутые высокими холмами. Такова долина Блекмур.

Местность эта представляет не только топографический, но и исторический интерес. В былые времена долина называлась Лесом Белого Оленя, и с ней связана любопытная легенда, повествующая о том, как в царствование короля Генриха III неким Томасом де Линдом был убит великолепный белый олень, которого загнал, но пощадил король, – и наказанием за это был высокий денежный штраф. В ту пору и до сравнительно недавнего времени здесь были дремучие леса. И по сей день виднеются еще следы их: склоны долины кое-где одевают дубняк и сосновые рощи, а на пастбища бросают тень огромные дуплистые деревья.

Леса исчезли, но сохранились некоторые древние обычаи, родившиеся под их сенью; многие из них, однако, либо видоизменились, либо существуют в замаскированной форме. Пляску Майского дня, например, можно было наблюдать в день, о котором идет речь, под видом клубного праздника, или «клубного гулянья», как называли его в тех краях.

Обычай этот ревностно соблюдался молодежью Марлота, хотя истинный его смысл был неведом участникам церемонии. Особенность этого праздника заключалась не столько в самой процессии и плясках, сколько в том, что в процессии участвовали одни женщины. В мужских клубах такие празднества устраивались чаще, хотя и выходили из моды; но природная ли робость слабого пола или саркастическое отношение родственников-мужчин лишило те женские клубы, какие еще существовали (если имелись таковые, кроме клуба марлотского), блеска и веселья. Только клуб в Марлоте еще организовывал празднества в честь местной Цереры. В течение столетий он устраивал шествия – еще с тех пор, когда был не клубом, а своеобразным женским орденом, – и продолжает устраивать их и по сей день.

Все участницы процессии были одеты в белые платья – веселый пережиток далеких дней, когда беззаботность и май были синонимами, – дней, предшествовавших тому вре-

мени, когда привычка заглядывать далеко вперед стерла яркость эмоций. Сначала, построившись попарно, они обошли вокруг деревни. Идеал и реальность слегка повздорили, когда солнце осветило шествие и фигуры четко выделились на фоне зеленых изгородей и домов, обвитых ползучими растениями, ибо, хотя все участницы процессии одеты были в белые платья, здесь не было двух одинаковых белых тонов. Иные платья сияли снежной белизной, в других проглядывал синеватый оттенок, тон третьих, облекавших особ постарше (и, быть может, пролежавших сложенными много лет), казался желтовато-мертвенным, и сшиты они были по моде времен Георгов.

Однако этих женщин и девушек отличало не только белое платье: каждая из них несла в правой руке жезл – ивовый прут, с которого была содрана кора, – а в левой букетик белых цветов. И каждая должна была сама снять кору с прута и выбрать цветы для букета.

В процессии участвовало несколько женщин средних лет и даже пожилых, – их серебряные жесткие волосы и морщинистые лица, исхлестанные временем и невзгодами, странно не вязались с окружающим весельем, вызывая если не насмешку, то, во всяком случае, – глубокую жалость. В сущности, о каждой из этих женщин, отягченных заботами и опытом, – о каждой женщине, чьи годы приближают ее к возрасту, о котором она скажет: «Он не дает мне радости», можно было бы узнать и рассказать гораздо больше, чем о молодых их товарках. Но оставим пожилых ради тех, в чьих жилах кровь пульсирует быстро и жарко.

Молодые девушки были здесь в большинстве, и роскошные их волосы отливали в лучах солнца золотыми, черными и каштановыми тонами. У одних были красивые глаза, у других – красивый нос или красивый рот и фигура, но почти никто из них не обладал всем этим одновременно. Было заметно, что, выставя себя напоказ, они нарочно сжимают сурово губы, не умеют нести голову высоко и не могут стереть с лица смущение, – это были настоящие деревенские девушки, непривычные к тому, чтобы на них глазели.

Их всех равно пригревало солнце, но у каждой было и свое маленькое солнышко, в лучах которого грелась душа: какая-нибудь мечта, привязанность, фантазия или хотя бы туманная, слабая надежда, которая, не получая пищи, чахла, быть может, но продолжала жить, как живут надежды. И потому все были беззаботны, а многие веселы.

Они обошли трактир «Чистая капля» и уже сворачивали с большой дороги к воротам, чтобы выйти на луг, когда одна из женщин воскликнула:

– Господи помилуй! Смотри-ка, Тэсс Дарбейфилд, уж не твой ли это отец едет домой в карете?!

Услышав это восклицание, одна молоденькая участница процессии повернула голову. Это была красивая девушка, быть может, не более красивая, чем некоторые другие, но подвижный алый рот и большие невинные глаза подчеркивали ее миловидность. Волосы она украсила красной лентой и среди женщин, одетых в белое, была единственной, которая могла похвастаться таким ярким украшением. Оглянувшись, она увидела, что Дарбейфилд едет по дороге в фаэтоне, принадлежащем «Чистой капле», которым правит кудрявая мускулистая девица с засученными выше локтя рукавами. Девица эта была веселой служанкой трактира и, исполняя свою роль фактбтума, превращалась иногда в конюха и грума. Дарбейфилд, откинувшись на спинку сиденья и блаженно закрыв глаза, помахивал рукой и медленно тянул речитативом:

– У – меня – в Кингсбире – есть – большой – семейный – склеп – и – рыцари – предки – лежат – там – в свинцовых – гробах!

Члены клуба захихикали – все, кроме Тэсс, которую, казалось, в жар бросило оттого, что ее отец служит предметом насмешек.

– Он устал, вот и все, – поспешно сказала она, – и договорился, что его подвезут, потому что наша лошадь должна сегодня отдыхать.

– Ну и простушка же ты, Тэсс! – отозвались ее товарки. – Он хлебнул сегодня на базаре. Ха-ха!

– Слушайте, я ни шагу не ступлю дальше, если вы будете над ним смеяться! – крикнула Тэсс, и румянец, горевший на ее щеках, разлился по лицу и шее. На глазах у нее показались слезы, и она отвернулась. Товарки, заметив, что обидели ее, не сказали больше ни слова, и процессия продолжала путь. Гордость не позволила Тэсс оглянуться еще раз, узнать, о чем, собственно, говорил ее отец; и она шла вместе с процессией к лугу, где должны были начаться танцы. Но когда они пришли к этому месту, Тэсс уже обрела утраченное душевное равновесие и, хлопывая свою соседку ивовым прутом, болтала, как всегда.

В эту пору жизни Тэсс Дарбейфилд была лишь сосудом эмоций, не окрашенных опытом. Хотя она и училась в сельской школе, но не совсем отделалась от местного произношения, – а для диалекта этой области характерным являлось злоупотребление звуком «э», правда, не уступающим по выразительности ни одному другому в человеческой речи. Пухлые алые губы, с которых столь часто срывался этот звук, еще не были твердо очерчены, и когда девушка, умолкая, сжимала их, нижняя губа чуть-чуть приподымала верхнюю.

В лице ее все еще таилось что-то детское. И сегодня, несмотря на ее яркую женственность, щеки ее иной раз наводили на мысль о двенадцатилетней девочке, сияющие глаза – о девятилетней, а изгиб рта – о пятилетней крошке.

Однако мало кто это замечал, и почти никто над этим не задумывался. Изредка какой-нибудь прохожий долго смотрел ей вслед, очарованный ее свежестью, жалея, что больше ее не увидит, но почти для всех она была красивой деревенской девушкой – и только.

Больше не видно и не слышно было Дарбейфилда в триумфальной его колеснице, управляемой конюхом женского пола, и когда процессия достигла луга, начались танцы. Так как мужчин в этой компании не было, то сначала девушки танцевали друг с другом, но к концу трудового дня мужское население деревни вместе с зеваками со всей округи и любопытными прохожими собралось у изгороди и, казалось, не прочь было принять участие в танцах.

Среди зрителей находились трое молодых людей, принадлежавших к иному общественному кругу; за спиной у них висели маленькие сумки, в руках они держали крепкие палки. Сходство их и небольшая разница в возрасте показывали, что они братья; так оно и было на самом деле. Старший носил костюм помощника приходского священника – белый галстук, закрытый жилет, шляпу с узкими полями; второй был студентом; во внешности младшего не было ничего характерного, – в его глазах и в костюме чувствовалось что-то вольное, не стесненное рамками, подсказывающее, что вряд ли он уже нашел свою профессиональную колею; оставалось лишь предположить, что он только лишь нащупывает свой путь в жизни.

Эти три брата сообщили случайному знакомому, что они проводят каникулы, совершая прогулку по долине Блекмур, и путь их лежит из города Шестона, с северо-востока на юго-запад.

Они остановились у калитки, которая вела на луг, и осведомились, по какому случаю эта пляска и почему девушки одеты в белые платья. Два старших брата явно не намерены были мешкать здесь, но третьего, казалось, забавляла эта стайка девушек, танцующих без кавалеров, и он не спешил продолжать путь. Сняв дорожную сумку, он положил ее вместе с палкой у изгороди и открыл калитку.

– Что ты задумал, Энджел? – спросил старший.

– Я не прочь пойти и поплясать с ними. А почему бы нам всем не остаться здесь на минутку, – нас это надолго не задержит.

– Вздор! – отозвался первый. – Танцевать на людях с толпой деревенских дикарок! А что, если нас увидят? Идем, а не то стемнеет раньше, чем мы доберемся до Стоуркэстла, а

ближе нам негде переночевать; да кроме того, перед сном мы должны прочесть еще главу из «Отпора агностицизму», раз уж я потрудились взять эту книгу.

– Хорошо, я догоню вас с Катбертом через пять минут. Не останавливайтесь: даю слово, что я вас догоню, Феликс.

Двое старших неохотно расстались с братом и пошли дальше, захватив его дорожную сумку, чтобы тому легче было их догнать, а младший прошел на луг.

– Какая жалость, мои милые! – галантно обратился он во время перерыва в танцах к двум или трем девушкам, стоявшим поблизости. – Где же ваши кавалеры?

– Они еще не кончили работать, – ответила самая бойкая. – Скоро они явятся. А пока не хотите ли быть нашим кавалером, сэр?

– Разумеется. Но вас много, а я один.

– Все лучше, чем ничего. Очень уж скучно танцевать девушке с девушкой. Никто тебя не обнимет, не прижмет. Ну-ка, выбирайте!

– Шш... не приставай! – сказала другая, более застенчивая.

Получив приглашение, молодой человек окинул всех взглядом и попытался сделать выбор; но так как этих девушек он видел впервые, то решить было нелегко. Он пригласил чуть ли не первую, какая ему попала на глаза, – это была не та, которая с ним говорила, хоть именно она на это и рассчитывала, и не Тэсс Дарбейфилд. В битве жизни родословное древо, предки, покоящиеся в склепах, славное прошлое и наследственные черты д'Эрбервиллей не помогали пока Тэсс и даже не делали ее более привлекательной в глазах кавалеров по сравнению с простыми крестьянками. Немного стоит нормандская кровь, если нет викторианского богатства.

Имя девушки, затмившей остальных, не сохранилось для потомства, но ей завидовали все, потому что в тот вечер она первая имела счастье танцевать с кавалером. Впрочем, столь заразителен бывает пример, что деревенские парни, не спешившие на луг, пока никто с ними не соперничал, ринулись теперь туда; мужчин в парах становилось все больше и больше, и вскоре даже последняя дурнушка в клубе уже не отплясывала за кавалера.

Пробили церковные часы, и студент внезапно заявил, что ему придется уйти... он совсем забыл... он должен догнать своих спутников... Когда он уже отошел от танцующих, взгляд его упал на Тэсс Дарбейфилд – а уж если говорить правду, в ее больших глазах таился легкий упрек: почему не ее он выбрал? Тогда и он пожалел, что не заметил ее, чему виной была ее застенчивость; и с этой мыслью он ушел с луга.

Чтобы наверстать потерянное время, он пустился бегом по тропинке на запад, быстро миновал ложбину и поднялся на холм. Братьев он еще не догнал, но приостановился, чтобы перевести дыхание, и оглянулся. На зеленом лугу кружились белые фигуры девушек, так же как кружились они, когда он был среди них. Казалось, он уже совсем забыт.

Все – за исключением, быть может, одной. Эта белая фигурка стояла в стороне, у изгороди. В ней он узнал хорошенькую девушку, с которой не танцевал. Хоть это был пустяк, но инстинктивно он почувствовал, что она обижена его небрежностью. Он пожалел, что не пригласил ее, пожалел, что не узнал ее имени. Она была так скромна, так мила, такой нежной казалась в своем легком белом платье... он почувствовал, что поступил глупо.

Однако помочь этому было нельзя; повернувшись, он заставил себя идти скорым шагом и отогнал мысль о ней.

III

Однако Тэсс Дарбейфилд не так легко забыла этот эпизод. Не сразу решилась она снова принять участие в танцах; хотя кавалеров могло быть у нее много, но – увы! – они не были так любезны, как этот незнакомый молодой человек. И лишь когда на склоне холма лучи солнца поглотили удаляющуюся фигуру незнакомого юноши, стряхнула она с себя мимолетную печаль и ответила согласием приглашавшему ее кавалеру.

Она оставалась со своими товарками до сумерек и танцевала с большим удовольствием; хотя движения в такт музыке были ей приятны сами по себе – сердце ее еще никем не было затронуто; видя «сладкие муки, горькие радости, нежные страдания и приятное отчаяние» тех девушек, чьи сердца не устояли перед долгой осадой, она и не догадывалась, на какое чувство окажется способна сама. Ссоры парней из-за ее руки во время джиги были для нее только развлечением, и когда молодые люди начинали чересчур горячиться, она их журила.

Быть может, осталась бы она на лугу и дольше, если бы вдруг не вспомнила с тревогой о странном поведении отца; мучимая беспокойством, она покинула танцующих и пошла в конец деревни, где стоял родительский дом.

Не дойдя до коттеджа нескольких десятков шагов, она снова слышала ритмические звуки, но уже не те, от которых ушла, – звуки знакомые, давно-давно знакомые! Из дома доносилось равномерное постукивание, вызванное энергичным раскачиванием колыбели, стоявшей на каменном полу; и под такой аккомпанемент женский голос задорной скороговоркой пел песенку про пеструю корову:

Я видел, как она легла-а-а вон в той зеленой ро-о-о-ще:
Идем со мной, любовь моя, и ты ее отыщешь.

Затем и постукивание колыбели и песня на секунду стихали и раздавались воркующие восклицания:

– Бог да благословит твои бриллиантовые глазки! И нежные щечки! И вишневый ротик! И миленькие ножки! И каждый кусочек тельца!

После этого моления стук и пенье возобновлялись, и «Пестрая корова» начиналась сначала. Так обстояло дело, когда Тэсс открыла дверь, вошла и остановилась у порога, обозревая представившуюся ее глазам картину.

Несмотря на пение, от этой комнаты повеяло на девушку невыразимой тоской. После веселого праздничного дня – белых платьев, букетов, ивовых жезлов, пляски на зеленом лугу, вспышки неясного чувства к незнакомцу – этот желтый тусклый свет одной-единственной свечи, озарявший тоскливую картину... Какой резкий переход! Однако она почувствовала не только болезненное разочарование, но и леденящий укор совести оттого, что не вернулась раньше, чтобы помочь матери в домашних делах, а веселилась на лугу.

Ее мать стояла, окруженная детьми, как оставила ее Тэсс, – стояла, склонившись над лоханью, занятая стиркой, которую, как всегда, отложила с понедельника до конца недели. Из этой лохани извлечено было накануне – Тэсс почувствовала мучительные угрызения совести – то самое белое платье, которое она так небрежно запачкала зеленью у подола, гуляя по росистой траве, – платье, выжатое и выглаженное руками ее матери.

По обыкновению, миссис Дарбейфилд балансировала перед лоханью на одной ноге, а другой покачивала колыбель младшего ребенка. Качалка, на которой стояла колыбель, столько лет выдерживала тяжесть стольких детей, что от трения о каменный пол полозья ее стали почти плоскими; поэтому колыбель, качаясь, резко подпрыгивала, и младенец перека-

тивался из стороны в сторону, словно ткацкий челнок. А миссис Дарбейфилд, возбужденная собственным пением, раскачивала колыбель со всем пылом, какой сохранился в ней после длинного дня возни с лоханью.

Тук-тук, тук-тук – стучала колыбель; пламя свечи вытянулось и заплясало, вода капала с локтей матери, песня бойко мчалась к концу куплета, а миссис Дарбейфилд смотрела на свою дочь. Даже теперь, обремененная детьми, Джоан Дарбейфилд по-прежнему страстно любила петь. Какая бы песенка ни проникла из внешнего мира в долину Блекмур, мать Тэсс запоминал а ее в течение недели.

До сих пор еще можно было уловить в лице женщины свежесть и даже миловидность молодости, и было ясно, что очарование, каким могла похвастаться Тэсс, является преимущественно даром матери и, следовательно, наследием не рыцарским, не историческим.

– Дай-ка я покачаю колыбель, мама, – мягко сказала дочь. – Или, может, мне снять праздничное платье и помочь тебе выжать белье? Я думала, ты давным-давно кончила.

Мать нимало не сердилась на Тэсс за то, что та ушла надолго и предоставила ей одной заниматься домашними делами; да она и редко попрекала ее за это, почти не нуждаясь в помощи Тэсс, ибо ее обыкновением было облегчать себе дневные труды, откладывая их на будущее. А сегодня вечером она была в настроении еще более радужном, чем обычно. Девушка не могла понять, почему мать смотрит на нее мечтательно, озабоченно, восторженно.

– Ну, я рада, что ты пришла, – сказала мать, допев последнюю ноту. – Я сейчас схожу за твоим отцом, только прежде мне хочется рассказать тебе, что случилось. Ты, милочка моя, глаза вытаращишь, когда узнаешь!

– Это случилось, пока меня не было дома? – спросила Тэсс.

– Да!

– Уж не потому ли отец ехал сегодня таким барином в карете? Зачем он это сделал? Я готова была сквозь землю провалиться от стыда!

– Все потому же! Оказывается, мы самые что ни на есть знатные люди в целом графстве... наши предки жили задолго до Оливера Кромвеля, еще при туркахязычниках, – и у нас есть памятники, склепы, щиты, гербы и бог его знает что еще. В дни мученика Карла нас сделали рыцарями Королевского Дуба, а настоящая наша фамилия д'Эрбервилль! Ну что,

забилося сердечко? Вот потому-то твой отец и ехал домой в карете, а вовсе не потому, что был пьян, как подумали иные.

– Очень рада. А будет нам от этого какой-нибудь прок, мама?

– Еще бы! Нужно думать, что произойдут великие события. И как только это станет известно, люди, такие же знатные, как и мы, приедут сюда в своих каретах. Отец узнал об этом, когда шел домой из Шестона, и рассказал мне все как есть.

– А где сейчас отец? – спросила вдруг Тэсс.

Мать ответила не относящимся к делу сообщением:

– Сегодня он зашел к доктору в Шестоне. Оказывается, у него вовсе не чахотка. Он говорит, что это просто жир вокруг сердца. Вот оно как получается. – С этими словами Джоан Дарбейфилд согнула большой и указательный пальцы, покрытые мыльной пеной, изобразив большое «С», и указательным пальцем другой руки воспользовалась как указкой. – «Сейчас, – сказал он твоему отцу, – ваше сердце затянато жиром вот тут и вот тут; а это место еще свободно. Как только и оно затянется, – миссис Дарбейфилд соединила концы пальцев, – погаснете вы, как свеча, мистер Дарбейфилд. Вы можете, говорит, протянуть десять лет, а можете умереть через десять месяцев или десять дней».

Тэсс встревожилась. Отец ее внезапно достиг величия и, несмотря на это, может так скоро уйти в вечность!

– Но где же отец? – снова спросила она.

Мать посмотрела на нее умоляюще.

– Только ты уж не сердись! Бедняга, он так ослабел после этих новостей, что пошел на полчаса к Ролливеру. Хочет набраться сил, потому что завтра он должен отвезти эти улы, – хоть мы и происходим из знатного рода, а это нужно сделать. Ему придется выехать сейчас же после полуночи – путь дальний.

– Хочет набраться сил! – вспыхнула Тэсс, и слезы затуманили ей глаза. – О господи! И для этого идти в трактир! А ты потакаешь ему, мама!

Тоскливое отчаяние, казалось, заполнило всю комнату и придало унылый вид мебели, свече, даже игравшим детям и матери.

– Нет, – обиженно сказала последняя, – я ему не потакаю. Я ждала тебя, чтобы ты присмотрела за домом, а я пойду приведу его.

– Я пойду.

– Нет, Тэсс. Ты знаешь – от этого толку не будет.

Тэсс спорить не стала. Она знала, почему мать возражает ей. Жакет и шляпа миссис Дарбейфилд уже висели на стуле, приготовленные для этой заранее задуманной прогулки, о необходимости которой матрона сожалела меньше, чем о поводе к ней.

– А «Полный предсказатель судьбы» отнеси в сарай, – продолжала она, быстро вытирая руки и одеваясь.

«Полный предсказатель судьбы», старая пухлая книга, лежал подле нее на стуле; ее так часто носили в кармане, что от поля не осталось и следа и шрифт доходил до края страниц. Тэсс взяла книгу, а мать отправилась в путь.

Походы в трактир в поисках беспутного супруга были одним из любимейших развлечений миссис Дарбейфилд, замученной скучной возней с детьми. Отыскать мужа у Ролливера, посидеть там подле него часок-другой и отбросить на это время мысли и заботы о детях – вот что делало ее счастливой. И тогда, словно сиянием, предзакатным блеском озарялась жизнь. Невзгоды и другие реальные события обретали метафизическую неосвязаемость, переставали быть настойчивыми конкретными фактами, раздражающими тело и душу, и переходили в категорию умозрительных явлений, которые можно созерцать спокойно. Дети, когда они не находились тут же на глазах, казались скорее приятными и желанными атрибутами жизни, повседневные заботы представлялись, пожалуй, в освещении забавным и радостным.

До известной степени она переживала то же ощущение, какое испытывала некогда в обществе своего супруга – в то время еще жениха, – когда, сидя с ним в том же трактире и забывая о его недостатках, видела в нем только идеального возлюбленного.

Тэсс, оставшись с младшими детьми, прежде всего отнесла в сарай книгу для гаданья и сунула ее под кровлю. Ее мать испытывала перед этой грязной книгой странный суеверный страх и никогда не позволяла оставлять ее на ночь в доме; поэтому, посоветовавшись с книгой, ее тут же относили обратно в сарай. Между матерью – хранительницей быстро исчезающих суеверий, фольклора, местного наречия, изустно передаваемых баллад – и дочерью, обучавшейся по новым программам в шестиклассной национальной школе, пропасть была, как принято считать, в двести лет. Когда они бывали вместе, век Елизаветы и век Виктории соприкасались.

Возвращаясь по садовой дорожке, Тэсс размышляла о том, что хотела узнать ее мать из этой книги именно сегодня, и без труда догадалась, что дело шло о недавнем открытии. Отогнав эти мысли, она начала обрызгивать высохшее за день белье, ей помогали ее девятилетний брат Абрэхэм и сестра Элиза Луиза двенадцати лет, которую звали в семье Лиза Лу; младших детей уложили спать. Между Тэсс и ее сестрой была разница в четыре года, так как двое детей, родившихся в этот промежуток, умерли во младенчестве, и потому Тэсс, оставаясь одна с младшими детьми, как бы замещала мать. За Абрэхэмом шли еще две девочки, Хоуп и Модести¹, затем трехлетний мальчик и, наконец, малютка, которому недавно исполнился год.

Все эти юные создания были пассажирами на дарбейфилдском корабле, и от решений двух старших Дарбейфилдов всецело зависели их развлечения, удовлетворение их потребностей, их здоровье и даже жизнь. Если бы эти двое, возглавлявшие дарбейфилдский дом, вздумали вести судно навстречу бедам, катастрофе, голоду, унижению, смерти, – туда вынуждены были бы плыть вместе с ними и шесть маленьких пленников, заключенных в трюме, шесть беспомощных созданий, которых никто не спросил о том, хотят ли они вообще жить, и тем более жить в таких тяжелых условиях, какие были неизбежны в безалаберном доме Дарбейфилдов. Хотелось бы знать, откуда почерпнул право говорить о «священном плане Природы» поэт, чья философия почитается в наши дни глубокой, а стихи – легкими и прозрачными.

Время шло, но ни отец, ни мать не возвращались. Тэсс выглянула за дверь и мысленно совершила прогулку по Марлоту. Деревня засыпала. Всюду тушили свечи и лампы; Тэсс представила себе протянутую руку и колпачок, которым гасят свет.

Когда мать отправлялась за отцом, это означало, что кто-то должен сходить за ними обоими. Тэсс понимала, что человеку со слабым здоровьем, собирающемуся отправиться в путь после полуночи, не следует засиживаться до позднего часа в трактире и пировать в честь древнего своего происхождения.

– Абрэхэм, – сказала она братишке, – надень-ка шапку и ступай к Ролливеру. Ты не боишься? Узнай, что случилось с отцом и матерью.

Мальчик быстро вскочил, открыл дверь, и ночь поглотила его. Прошло еще полчаса; мужчина, женщина и ребенок не возвращались. Казалось, Абрэхэм, как и его родители, оказался жертвой губительного трактира.

– Придется пойти мне самой, – сказала Тэсс.

Лиза Лу легла спать, а Тэсс, заперев их всех в доме, побрела по темной извилистой улице, не приспособленной для быстрого хождения, – улице, проложенной в те времена, когда еще не ценился каждый дюйм земли и часов с одной стрелкой было достаточно для деления дня.

¹ Надежда и Скромность (англ.).

IV

Трактир Ролливера, единственное питейное заведение в этом конце деревни, длинной, с беспорядочно разбросанными домами, мог похвастаться всего лишь разрешением продавать спиртные напитки навынос; и так как пить в доме – значило нарушить закон, то для удобства клиентов к садовой ограде была прикреплена служившая полкой доска шириной дюймов в шесть и длиной в два ярда – этим ограничивались все приспособления. Жаждающие путники ставили на эту доску свои кружки, опивки выплескивали на пыльную землю, покрывая ее полинезийскими узорами, и жалели, что не могут посидеть и отдохнуть в доме.

Так обстояло дело с прохожими. Но ту же потребность испытывали и местные клиенты, а воля, как известно, рушит препятствия.

На верхнем этаже в просторной спальне, окно которой было занавешено большой плотной шерстяной шалью, еще не так давно служившей миссис Ролливер, хозяйке трактира, собралось в тот вечер человек двенадцать, жаждущих радости, – все местные старожилы и завсегдатаи этого уютного уголка.

«Чистая капля» – трактир, имевший разрешение обслуживать клиентов внутри помещения, был расположен в дальнем конце широко раскинувшейся деревни, что делало его, в сущности, недоступным для жителей этой окраины; вдобавок имелась и более серьезная причина – качество напитков: мнение большинства было таково, что лучше пить с Ролливером в углу на чердаке, чем в просторном зале с хозяином другого трактира.

Старомодная кровать без матраца, стоявшая в комнате, служила сиденьем для нескольких человек, расположившихся по трем ее сторонам; двое взобрались на комод, еще один восседал на резном дубовом сундуке и еще один на табурете, – таким образом, все разместились более или менее удобно. К этому часу они достигли той стадии духовной удовлетворенности, когда души их расцвели и, уже не вмещаясь в телесную оболочку, освещали комнату. Благодаря этому процессу и комната, и мебель облагораживались, становились все более и более роскошными; шаль, которой было занавешено окно, превратилась в гобелен; медные ручки комода стали благородным золотом, а резные столбики кровати, казалось, состояли в родстве с великолепными колоннами Соломонова храма.

Расставшись с Тэсс, миссис Дарбейфилд быстро дошла до трактира, открыла парадную дверь, пересекла комнату нижнего этажа, погруженную в глубокий мрак, а затем привычной рукой, хорошо знакомой со здешними щеколдами, отперла дверь, ведущую на лестницу. По ветхим ступеням она поднималась медленнее, и когда ее лицо показалось над освещенной верхней площадкой лестницы, к ней обратились взгляды всей компании, собравшейся в спальне.

– ...близкие друзья, которых я угощаю за свой счет по случаю клубного праздника, – заслышав шаги, проговорила хозяйка бойко, как ребенок, отвечающий катехизис, и с этими словами выглянула на лестницу. – Ах, это вы, миссис Дарбейфилд! Господи, ну и перепугали же вы меня! А я уж подумала, что это кто-нибудь, присланный властями.

Остальные члены конклава приветствовали миссис Дарбейфилд взглядами и кивками, после чего она повернулась к тому месту, где сидел ее супруг. Он рассеянно мурлыкал себе под нос:

– Я не хуже, чем кое-кто из здешних мест! У меня есть большой семейный склеп в Кингсбир-суб-Грин-хилле, и во всем Уэссексе ни у кого нет покойничков лучше, чем у меня!

– Я должна тебе сказать, что мне пришла по этому случаю в голову замечательная мысль! – прошептала его веселая жена. – Послушай, Джон, ты что, не видишь меня?

Она подтолкнула его локтем, но он, глядя сквозь нее, словно сквозь оконное стекло, продолжал свой речитатив.

– Ш-ш! Не пойте так громко, дружище, – сказала хозяйка. – Чего доброго, услышит кто-нибудь из властей и отберет у меня патент.

– Он, небось, вам рассказал уже, что у нас случилось? – спросила миссис Дарбейфилд.

– Вроде как рассказал. А деньги-то вы от этого какие-нибудь получите?

– Кто его знает! – благоразумно ответила Джоан Дарбейфилд. – Все же неплохо быть в родстве с каретой, даже если в ней и не едешь.

Это она произнесла во всеуслышание, но затем понизила голос и снова обратилась к своему супругу:

– Как ты ушел, я припомнила, что в Трэнтридже, на опушке Заповедника, живет одна знатная и богатая дама по фамилии д'Эрбервилль.

– А? Что? – сказал сэр Джон.

Она повторила:

– Должно быть, эта дама – наша родственница. Вот я и надумала послать к ней Тэсс и объявить о родстве.

– А ведь вправду дама с такой фамилией имеется, раз уж ты об этом заговорила, – сказал Дарбейфилд. – Священник Трингхэм про нее забыл. Но она – ничто по сравнению с нами, – должно быть, младшая ветвь, из тех, что появились гораздо позже короля-норманна.

Занятая обсуждением этого вопроса, пара не заметила, как маленький Абрэхэм пробрался в комнату и встал рядом, ожидая случая заговорить с родителями и увести их домой.

– Она богата и, конечно, позаботится о нашей дочке, – продолжала миссис Дарбейфилд, – а это будет очень кстати. И конечно, членам одного рода следует познакомиться друг с другом поближе.

– Да, и мы поедем объявить о родстве! – раздался из-под кровати веселый голос Абрэхэма. – И мы все будем ездить к ней в гости, когда Тэсс туда переедет; будем кататься в ее карете и одеваться в черную одежду.

– Откуда ты взялся, малыш? И что за глупости ты болтаешь! Ступай поиграй на лестнице, пока отец и мать не освободятся!.. Да, Тэсс следует пойти к этому члену нашего рода. И уж Тэсс наверняка ей понравится; а потом на ней может жениться какой-нибудь благородный джентльмен. Да что говорить! Это так и будет, я уж знаю!

– Откуда?

– Я гадала по «Предсказателю судьбы», и так оно все и выходит... Ты бы поглядел, какая она была сегодня хорошенькая; кожа у нее нежная, как у герцогини.

– А что говорит она сама? Пойдет она туда?

– Я ее не спрашивала. Она еще не знает, что у нас есть такая родственница. Но, конечно, это поможет ей найти благородного мужа, и она не откажется пойти.

– Тэсс не поймешь!

– Но с ней можно справиться... Это уж предоставь мне.

Хотя разговор этот не предназначался для посторонних, окружающие расслышали достаточно, чтобы понять, что у Дарбейфилдов имеются теперь темы для разговора более серьезные, чем у простых смертных, а Тэсс – их хорошенькую старшую дочь – ждет завидное будущее.

– Тэсс – красотка хоть куда, я так и сказал себе сегодня, когда увидел, как она разгуливает вместе с остальными по деревне, – вполголоса заметил один из старых пьяниц. – Но Джоан Дарбейфилд пусть поостережется – как бы она не подложила зеленого солода в муку.

Это была местная поговорка, которая имела особый смысл, и ответа на нее не последовало.

Разговор сделался общим, а вскоре в комнате нижнего этажа послышались шаги.

– ...близкие друзья, которых я угощаю сегодня за свой счет по случаю клубного праздника...

Хозяйка быстро повторила формулу, заготовленную для незваных гостей, и тут же узнала во вновь прибывшей Тэсс.

Даже матери Тэсс и то показалось, что юному личику девушки не место в комнате, насыщенной винными парами, хотя они и подходящая атмосфера для морщинистой старости: наверное, и без укоризненного взгляда темных глаз Тэсс отец ее и мать поднялись бы с места, торопливо допив эль, и спустились вслед за ней по лестнице, напутствуемые предостережением миссис Ролливер:

– Пожалуйста, не шумите, дорогие мои, прошу вас; а не то я лишусь патента, вызовут меня в суд, – и неизвестно, что еще будет! Доброй ночи!

Они шли домой рядом, Тэсс поддерживала отца под один локоть, а миссис Дарбейфилд под другой. В сущности, выпил он очень мало – меньше четверти той порции, после которой привычный пьяница может не пошатываясь явиться в воскресное утро в церковь и легко преклонять колени, но для сэра Джона, отличавшегося слабым здоровьем, маленькие его грешки вырастали в гору. На свежем воздухе он столь нетвердо держался на ногах, что все трое вдруг поворачивали то к Лондону, то к Бату – комичное зрелище, которое можно наблюдать частенько, когда семья в ночную пору возвращается домой; но, подобно многим комичным зрелищам, было оно в конце концов не так уж комично. Обе женщины мужественно старались скрыть эти вынужденные уклонения и контрмарши и от Дарбейфилда – их виновника, и от Абрэхэма, и от самих себя; так добрались они потихоньку до своей двери, а глава семьи, подойдя ближе, внезапно затянул прежний припев, словно хотел укрепить свой дух, увидя неприглядное нынешнее свое жилище:

– У меня есть семе-е-е-ейный склеп в Кингсбире!

– Шш... не глупи, Джеки, – сказала жена. – В старые времена не одна только твоя семья была знатной. Посмотри на Энктеллей, Хореи, да и на Трингхэмов, – они обнищали почти как и ты, хотя твой род познатнее, это верно. Слава богу, я ни из какого рода не происхожу, и теперь мне стыдиться не приходится.

– Что-то очень уж ты в этом уверена. А мне, глядя на тебя, кажется, что ты себя унизила больше, чем любой из нас, и были у тебя когда-то в роду и короли и королевы.

Тэсс переменила тему разговора, упомянув о том, что в ту минуту занимало ее гораздо больше, чем мысли о предках.

– Боюсь, что отец не сможет выехать с ульями на рассвете.

– Я? Через часок-другой я буду молодцом, – сказал Дарбейфилд.

Был двенадцатый час, когда все семейство наконец улеглось спать, а в два часа ночи, не позже, следовало отправиться в путь, чтобы успеть доставить ульи торговцам в Кэстербридж к началу субботнего базара; до места было двадцать-тридцать миль, и все по плохой дороге, а старая лошадь и так еле тащила тяжелую повозку. В половине второго миссис Дарбейфилд вошла в большую спальню, где спала Тэсс и все ее младшие сестры.

– Бедняга не может ехать, – сказала она старшей дочери, чьи большие глаза открылись, едва рука матери коснулась двери.

Тэсс села в постели, еще не совсем очнувшись от сна.

– Но кто-то должен ехать, – отозвалась она. – Мы и так уж запоздали с ульями. Роение скоро кончится. Если мы отложим это дело до следующего базарного дня, на них не будет спроса и они останутся у нас на руках.

Миссис Дарбейфилд совсем растерялась.

– Может, какой-нибудь парень поедет? Один из тех, что хотели плясать с тобой вчера? – предложила она вдруг.

– О нет, ни за что на свете! – гордо заявила Тэсс. – Чтобы все узнали, в чем тут дело? Какой стыд! Может, мне самой поехать – только вместе с Абрэхэмом?

После некоторых препирательств мать дала согласие на этот план. Они разбудили маленького Абрэхэма, который спал крепким сном в углу той же комнаты, и, хотя мысли его еще витали в мире грез, заставили его одеться. Тем временем и Тэсс поспешно оделась, и, засветив фонарь, брат и сестра пошли к конюшне. Маленькая разбитая повозка была уже нагружена, и девушка вывела Принца – лошадь, которая была немногим надежнее повозки.

Бедный коняга с недоумением всматривался в темноту, поглядывая на фонарь и на двух людей, словно не мог поверить, что в этот поздний час, когда каждому живому существу полагается быть под кровом и отдыхать, его заставляют трудиться. Они положили запас огарков в фонарь, привесили фонарь с правой стороны повозки и тронулись в путь: пока дорога шла в гору, они шагали рядом с лошастью, чтобы избавить слабое животное от лишнего груза. Желая подбодрить друг друга, они с помощью фонаря, хлеба с маслом и разговора устроили себе утро, – а настоящее утро было еще далеко. Абрэхэм, более или менее проснувшийся (до тех пор он двигался словно в трансе), принялся болтать о том, что темные предметы на фоне неба выглядят очень странно: вот это дерево похоже на разъяренного тигра, выскакивающего из логова, а вон то напоминает голову великана.

Когда они миновали небольшой городок Стоур-кэстл, тихо дремлющий под бурыми тростниковыми крышами, подъем наконец окончился. Слева высился холм Балбэрроу, или Билбэрроу, – один из высочайших в Южном Уэссексе, опоясанный земляными валами. Отсюда на большом протяжении дорога шла под уклон. Они влезли на передок повозки, и Абрэхэм о чем-то задумался.

– Тэсс! – помолчав, начал он в виде вступления.

– Что, Абрэхэм?

– Ты не рада, что мы стали благородными?

– Не очень.

– Но ты рада, что выйдешь замуж за джентльмена?

– Что? – спросила Тэсс, подняв голову.

– Что наша знатная родня поможет тебе выйти замуж за джентльмена.

– Мне? Наша знатная родня? У нас нет такой родни. Что это взбрело тебе в голову?

– Я слышал, как об этом говорили у Ролливера, когда я пришел за отцом. В Трэнтридже живет богатая дама, наша родственница, и мать говорит, что, если ты пойдешь и скажешь ей о нашем родстве, она тебе поможет выйти замуж за джентльмена.

Его сестра вдруг умолкла и погрузилась в глубокую задумчивость. Абрэхэм продолжал болтать – не столько для удовольствия слушателя, сколько для собственного удовольствия, и на рассеянность сестры он не обращал внимания. Прислонившись спиной к ульям и подняв лицо к небу, он заговорил о звездах, которые холодно мерцали среди черной пустоты, бесстрастно чуждые этим двум огонькам человеческой жизни. Он спросил, далеко ли до этих светильников и пребывает ли бог по другую их сторону. Но в детской своей болтовне он поминутно возвращался к тому, что затронуло его воображение глубже, чем чудеса мироздания. Если Тэсс разбогатеет, выйдя замуж за джентльмена, хватит ли у нее денег, чтобы купить большую подзорную трубу, в которую звезды видны будут не хуже, чем Нетлко м-Таут?

Это новое обращение к теме, словно заразившей всю семью, вывело Тэсс из терпения.

– Ну, довольно об этом! – воскликнула она.

– Ты говорила, что звезды – это миры, Тэсс?

– Да.

– И все такие же, как наш?

– Не знаю, но думаю, что такие же. Иногда они похожи на яблоки с нашей яблони.

Почти все красивые, крепкие, но есть и подгнившие.

– А мы на каком живем – на красивом или на подгнившем?

– На подгнившем.

– Вот уж не повезло, что мы не попали на хороший, раз их больше, чем плохих!

– Да.

– А это и в самом деле так, Тэсс? – спросил, повернувшись к ней, Абрэхэм, на которого этот удивительный факт произвел сильнейшее впечатление. – Как бы оно было, если бы мы очутились на хорошей звезде?

– Ну, отец не кашлял бы и не волочил ноги, как волочит теперь, и не был бы сейчас пьян, и сам повез бы улы, а матери не приходилось бы стирать и стирать без конца.

– А ты бы уже так и родилась богатой и не нужно было бы тебе выходить за джентльмена, чтобы разбогатеть?

– Довольно, Эби! Довольно говорить об этом!

Предоставленный своим собственным мыслям, Абрэхэм скоро стал клевать носом. Тэсс плохо владела вожжами, но решила, что на этот раз ей удастся справиться самой, не мешая Абрэхэму спать. Она устроила ему перед ульями подобие гнездышка, чтобы он не свалился, и, взяв у него вожжи, поехала дальше.

Принц требовал лишь незначительного внимания, ибо у него не хватало энергии для каких бы то ни было лишних движений. Болтовня брата больше не отвлекала Тэсс от ее мыслей, и, прислонившись спиной к ульям, она предалась грезам. Кусты и деревья, тянувшиеся немой процессией мимо нее, участвовали в фантастических сценах, разыгрывавшихся за пределами реальности, а случайные вздохи ветра были вздохами какой-то необъятной и скорбной души, в пространстве равнозначной со вселенной и во времени – с историей.

Затем, обдумывая сплетение событий своей жизни, она словно увидела всю нелепость отцовских притязаний и материнской мечты о ее браке с джентльменом и представила себе этого джентльмена, с презрительной гримасой смеющегося над ее бедностью и предками-рыцарями в саванах. Образы эти становились все более фантастичными, и она утратила всякое ощущение времени. Вдруг они чуть не упали от внезапного толчка, – и задремавшая Тэсс сразу проснулась.

Место, где она погрузилась в сон, осталось далеко позади, повозка стояла. Впереди раздался глухой стон, какого она никогда еще не слыхала, за ним последовал оклик:

– Эй, вы там!

Фонарь, висевший на их повозке, теперь не горел, но ей в лицо светил другой – более яркий. Случилось что-то ужасное. Сбруя запуталась в чем-то, преграждавшем дорогу.

В ужасе Тэсс спрыгнула на землю, и ей открылась страшная истина: стонала бедная лошадь отца – Принц.

Почтовая двуколка с утренней почтой, бесшумно катившая на двух своих колесах, неслась, по обыкновению, как стрела и налетела на их медленно двигавшуюся и неосвещенную повозку. Острая оглобля вонзилась, словно меч, в грудь несчастного Принца: из смертельной раны струей била кровь и с шипением лилась на дорогу.

В отчаянии Тэсс рванулась вперед и зажала рану рукой, но добила только того, что алые капли забрызгали ее с головы до ног. Застыв, она беспомощно смотрела на лошадь. Принц тоже стоял неподвижно, пока хватало сил, потом внезапно рухнул на землю.

Подошедший почтальон начал распрягать еще теплого Принца, но тот был уже мертв, и, увидев, что ничем теперь помочь нельзя, он вернулся к своей лошади, которая осталась цела и невредима.

– Вы ехали не по той стороне, по какой полагается, – сказал он. – Я должен везти почту, а вам лучше остаться здесь со своей поклажей. Как только смогу, я пришлю вам кого-нибудь на помощь. Скоро рассветет, и бояться вам нечего.

Он помчался дальше, а Тэсс осталась стоять и ждать. Небо побледнело, в кустах закопошились птицы, послышалось веселое щебетание; проселочная дорога стала совсем белой,

но еще белее было лицо Тэсс. Огромная красная лужа затягивалась радужной пленкой, так как кровь уже свертывалась, а когда взошло солнце, она заиграла всеми красками.

Принц лежал подле, неподвижный и окоченевший; глаза его были полузакрыты, а рана в груди казалась совсем маленькой, и трудно было поверить, что из нее могло вытечь столько крови – все то, что давало ему жизнь.

– Это я виновата, я! – повторяла девушка в отчаянии, не спуская глаз с мертвой лошади. – И нет мне оправдания! Чем будут жить теперь отец с матерью? Эби, Эби!

Она начала трясти ребенка, которого не разбудила даже эта катастрофа.

– Мы не можем ехать дальше! Принц убит!

Когда Абрэхэм сообразил, что случилось, его детское лицо покрылось морщинами, как у пятидесятилетнего человека.

– А ведь я вчера только плясала и смеялась! – говорила сама себе Тэсс. – Как могла я быть такой душой!

– Это случилось потому, что мы живем не на хорошей, а на подгнившей звезде! Правда, Тэсс? – сквозь слезы прошептал Абрэхэм.

Они ждали, охваченные черным отчаянием, и ожидание казалось бесконечным. Наконец, услышав шум и увидев приближающуюся фигуру, они убедились, что почтальон сдержал слово: к ним подошел батрак с фермы в окрестностях Стоуркэстла, ведя на поводу крепкого жеребца. Его впрягли в повозку вместо Принца, и ульи повезли в Кэстербридж.

Вечером того же дня пустая повозка снова прибыла к месту происшествия. Принца еще утром стащили в канаву, но проезжавшие экипажи так и не стерли следов крови посреди дороги. Все, что осталось от Принца, взвалили на повозку, которую он совсем недавно тащил сам; он лежал, задрав окоченевшие ноги, и заходящее солнце отражалось в его подковах: так он вернулся в Марлот.

Тэсс добралась до дома раньше. Она не в силах была придумать, как сообщить страшную новость, и почувствовала облегчение, когда по лицам родителей убедилась, что они уже знают о потере; однако она не переставала упрекать себя за свою небрежность.

Но именно благодаря безалаберности Дарбейфилдов это несчастье не произвело на них такого устрашающего впечатления, какое произвело бы на семью трудолюбивую и работающую, – хотя для такой семьи потеря лошади создала бы только трудности, а семью Тэсс вела к разорению. В глазах Дарбейфилдов не отражался тот гнев, который обрушился бы на девушку, если бы родителей больше тревожило ее благополучие. Никто не бранил Тэсс так, как она сама себя бранила.

Когда обнаружилось, что живодер и кожевник дают за мертвого Принца всего несколько шиллингов из-за его дряхлости, Дарбейфилд оказался на высоте положения.

– Нет, – сказал он стоически, – я не продам старика. Когда мы, д'Эрбервилли, были рыцарями в поместьях, мы не продавали наших старых коней на мясо кошкам. Пусть их шиллинги останутся при них! Он хорошо служил мне при жизни, и теперь я с ним не расстанусь.

На следующий день, копая в саду могилу для Принца, он работал так усердно, как давно уже не работал для прокормления семьи. Когда яма была вырыта, Дарбейфилд и его жена обвязали лошадь веревкой и потащили ее по дорожке, а за ними в похоронной процессии следовали дети. Абрэхэм и Лиза Лу всхлипывали, Хоуп и Модести выражали свое горе громким ревом, эхом отдававшимся от стен дома, а когда Принца столкнули в яму, все окружили могилу. Кормилец был у них отнят. Что с ними будет?

– Он пошел на небо? – всхлиывая, спросил Абрэхэм.

Дарбейфилд начал засыпать яму землей, и дети снова заплакали. Все, кроме Тэсс. Глаза у нее были сухие, лицо бледное, – словно она считала себя убийцей.

V

После потери лошади заниматься извозом уже не приходилось, и дела семьи тотчас же пошли под гору. Семье угрожала настоящая бедность, если не нищета. Дарбейфилд был «парень ни то ни се», как говорилось в тех краях. Здоровье иногда позволяло ему работать, но нельзя было полагаться на то, что эти периоды совпадут с моментом спроса на работу. Вдобавок он не привык к регулярному труду поденщика и не слишком усердствовал, когда случалось такое совпадение.

Между тем Тэсс, чувствуя, что в эту трясику толкнула их она, молча размышляла, чем помочь им, чтобы их оттуда вытащить. Вот тогда-то ее мать и открыла ей свой план.

– Приходится принимать и радость и беду, Тэсс, – сказала она, – и получается, что о твоём знатном происхождении мы узнали в самую что ни на есть нужную минуту. Ты должна обратиться к своим друзьям. Знаешь ли ты, что неподалеку от Заповедника живет какая-то миссис д'Эрбервилль, очень богатая и наверняка наша родственница? Ты должна к ней пойти, рассказать о родстве и попросить, чтобы она помогла нам в беде.

– Не хотелось бы мне это делать, – отозвалась Тэсс. – Раз уж есть у нас такая родственница – хорошо, если она отнесется к нам по-дружески, а помощи от нее ждать нечего.

– Ты можешь ей так понравиться, что добьешься от нее чего угодно, моя милая. И, быть может, толку от этого будет больше, чем ты думаешь. Я кое-что слыхала о ней.

При других обстоятельствах Тэсс, пожалуй, отнеслась бы к материнскому желанию менее почтительно, но сейчас ее угнетало сознание, что она навлекла беду на свое семейство; однако она не могла понять, почему ее мать с таким удовольствием лелеет этот замысел, выгоды которого представлялись Тэсс весьма сомнительными. Быть может, мать навела справки и обнаружила, что эта миссис д'Эрбервилль – дама, наделенная непревзойденными добродетелями и милосердием? Но гордой Тэсс роль бедной родственницы внушала крайнее отвращение.

– Я лучше попытаюсь поискать работу, – прошептала она.

– Дарбейфилд, тебе решать, – сказала миссис Дарбейфилд, обращаясь к мужу, державшемуся на заднем плане. – Если ты скажешь, что она должна идти, она пойдет.

– Не нравится мне, чтобы мои дети ходили одолжаться к незнакомой родне, – пробормотал он. – Я глава благороднейшей ветви нашей фамилии и должен высоко держать голову.

Остаться после такого заявления отца было для Тэсс еще неприятнее, чем пойти.

– Хорошо, мама! Пожалуй, я должна что-нибудь сделать, раз я убила лошадь, – горестно сказала она. – Я пойду и повидаю миссис д'Эрбервилль, но уж сама решу, как просить ее о помощи. А ты не думай больше о том, что она выдаст меня замуж, – это глупо.

– Хорошо сказано, Тэсс! – поучительно заметил ее отец.

– А кто говорит, что я об этом думала? – спросила Джоан.

– Мне кажется, что это у тебя на уме, мать. Но я все равно к ней пойду.

На следующий день она встала рано и пошла в Шестой, городок на холме, где села в фургон, который два раза в неделю ездил из Шестона на восток, в Чэзборо. Фургон проезжал мимо Трэнтриджа, а в трэнтриджском приходе находилась резиденция неведомой и таинственной миссис д'Эрбервилль.

В это памятное утро путь Тэсс Дарбейфилд лежал среди северо-восточных возвышенностей долины, где она родилась и где протекала ее жизнь. Долина Блекмур была для нее миром, а местные жители – народом, населяющим этот мир. Из ворот и из-за плетней Марлота смотрела она в пору недоуменного детства на эту долину, и то, что тогда было для Тэсс тайной, оставалось тайной и теперь. Ежедневно видела она из окна своей комнаты башни, деревни, туманные белые здания; над ними величественно высился на холме Шеетон, и окна

его домов светились, словно лампы, в лучах вечернего солнца. В городке она почти никогда не бывала – лишь маленький клочок долины и ее окрестностей был знаком Тэсс. Еще реже выезжала она за пределы долины. Очертания замыкающих ее холмов были ей известны так же, как лица родных; но о том, что лежит за пределами этих холмов, она могла лишь судить по сведениям, полученным в сельской школе, где считалась первой ученицей, когда год или два назад бросила учиться.

В детстве ее очень любили товарки и сверстницы, и в деревне, когда она возвращалась домой из школы, ее всегда видели с двумя подругами, – все трое были почти одних лет; Тэсс обычно шла посредине – в розовом, с красивым сетчатым узором, ситцевом переднике, закрывавшем шерстяное платье, чья первоначальная окраска перешла в какой-то неописуемый цвет; длинные крепкие ноги Тэсс были туго обтянуты чулками, продранными на коленках оттого, что часто посреди дороги и у насыпей она опускалась на колени в поисках растительных и минеральных сокровищ; пряди волос – тогда они были пепельного цвета – загибались, как крючки, на которых подвешивают чайник над огнем; руки девочек, шедших сбоку, обвивали талию Тэсс, а ее руки лежали на плечах подруг.

Когда Тэсс подросла и стала понимать положение дел, она почувствовала мальтузианское раздражение против матери за то, что та беззаботно дарит ей столько сестриц и братцев, хотя было нелегко нянчить и тех, что уже родились. Мать ее по уму не отличалась от счастливого младенца: Джоан Дарбейфилд была тоже ребенком, и вдобавок не самым старшим в этой огромной семье, порученной заботам providения.

Однако Тэсс была добра к малышам, и для того чтобы помогать им по мере сил, она, как только ушла из школы, стала наниматься на соседние фермы во время сенокоса и жатвы, хотя всему предпочитала доить коров и сбивать масло; этому она научилась, когда ее отец еще сам держал коров, и так как пальцы у нее были ловкие, она справлялась с такой работой мастерски.

С каждым днем все новые семейные тяготы ложились на юные ее плечи, и вполне естественно, что в поместье д'Эрбервиллей как представительница Дарбейфилдов отправилась именно Тэсс. Кстати, в данном случае Дарбейфилды показывали лучшее, что у них было.

На перекрестке Трэнтридж она вышла из фургона и пешком поднялась на холм, направляясь к так называемому Заповеднику, на границе которого находилась, как сообщили ей, резиденция миссис д'Эрбервилль – поместье «Косогор». Это не было поместье в обычном смысле слова – с полями, пастбищами и ворчливым фермером, из которого владелец и его семья всеми правдами и неправдами вытягивают средства на жизнь. Это был скорее... да нет, это попросту был загородный дом, построенный исключительно для отдыха, и землю, примыкавшую к нему, не возделывали – ни одного акра, кроме тех, какие нужны были для усадьбы и маленькой фермы, находившейся под присмотром владельца и на попечении управляющего.

Сначала показалась красная кирпичная сторожка, до самой крыши спрятанная среди вечнозеленых растений. Тэсс подумала было, что это и есть усадьба, но, с трепетом пройдя в боковую калитку и дальше, до поворота аллеи, она наконец увидела дом. Построенный недавно – в сущности, почти новый, – он был того же густо-красного цвета, что и сторожка, так резко выделявшаяся в гуще вечнозеленых растений. А за углом дома, высившегося на фоне тусклых красок, словно красная герань, в лазурной дали виднелся Заповедник – настоящий дремучий лес, один из немногих сохранившихся в Англии первобытных лесов, где все еще на вековых дубах можно найти друидическую омелу и где гигантские тисовые деревья, посаженные самой природой, растут так, как росли они, когда их ветви срезали для луков. Однако этот древний лес, хотя его и видно было из усадьбы «Косогор», находился за ее пределами.

Все было ярко в этом уютном поместье, все содержалось в полном порядке: вниз по склону тянулись к рощам парники. Все здесь говорило о деньгах, все напоминало новенькую монету только что из чеканки. Конюшни, обсаженные австрийскими соснами и вечно-зелеными дубами, были оборудованы новейшими приспособлениями и величественны, как часовни. На широкой лужайке раскинулась изящная беседка, дверь которой обращена была к Тэсс.

Простодушная Тэсс Дарбейфилд стояла в волнении у края усыпанной гравием дорожки и смотрела. Только дойдя до этого места, она вдруг осознала, где находится, – все здесь было не так, как она предполагала.

– Я думала, наш род древний, а здесь все новое! – сказала она наивно и пожалела, что с такой готовностью согласилась на план матери – согласилась «заявить о родстве» и не попыталась искать помощи поближе к дому.

Семейство д'Эрбервиллей – или Сток-д'Эрбервиллей, как они иногда себя называли, – владевшее этой усадьбой, было необычно для такого старомодного уголка страны. Священник Трингхэм был прав, говоря, что наш неуклюжий Джон Дарбейфилд являлся в графстве и его окрестностях единственным подлинным прямым потомком древнего рода д'Эрбервиллей; он мог бы добавить и то, что было ему очень хорошо известно, а именно: Сток-д'Эрбервилли имели не больше отношения к подлинному родословному дереву д'Эрбервиллей, чем он сам. Однако следовало признать, что семья эта являлась прекрасным деревом для прививки фамилии, чрезвычайно нуждавшейся в таком обновлении.

Когда старый мистер Саймон Сток, недавно умерший, будучи честным купцом (иные говорили – ростовщиком), сколотил себе состояние на севере, он решил стать помещиком на юге Англии, подальше от тех мест, где он вел свои торговые дела; при этом он возымел желание, начиная жизнь заново, обзавестись фамилией, которая не была бы столь тесно связана с удачливым торговцем прошлых лет и звучала бы менее заурядно, чем собственная его весьма вульгарная фамилия. В течение часа изучая в Британском музее труды, посвященные вымершим, полувывмершим, забытым и разорившимся родам той части Англии, где он намерен был поселиться, мистер Сток решил, что д'Эрбервилль звучит не хуже любой другой фамилии; и фамилия д'Эрбервилль была присоединена к его фамилии как для него самого, так и для его наследников на веки вечные. Однако он не был сумасбродом, и когда созидал свою родословную на новой основе, то, измышляя аристократические родственные связи, проявил благоразумие и не упомянул ни одного титула, который можно было бы счесть нарушением строжайшей умеренности.

Обо всем этом бедная Тэсс и ее родители, на свою беду, естественно, не имели ни малейшего понятия. В сущности, даже возможность подобных заимствований была им неизвестна: они полагали, что, если благосостояние и может быть даром судьбы, фамилию получаешь при рождении.

Тэсс все еще стояла в нерешительности, словно пловец, собирающийся броситься в воду, и не знала, отступить ей или идти вперед, как вдруг из темной треугольной двери беседки показалась мужская фигура – высокий молодой человек, куривший сигару.

Он был смуглый, с полными губами, плохо очерченными, но красными и мягкими, над верхней губой темнели черные подвитые усы, хотя он был не старше двадцати трех – двадцати четырех лет. Несмотря на грубоватую внешность, в лице джентльмена, в его дерзких, беспокойных глазах была своеобразная сила.

– Скажите, красotka моя, чем могу вам служить? – спросил он весело, приближаясь к ней. Заметив ее смятение, он добавил: – Не смущайтесь. Я мистер д'Эрбервилль. Вы пришли ко мне или к моей матери?

Этот представитель д'Эрбервиллей и однофамилец еще резче, чем дом и поместье, отличался от того, что ждала Тэсс. В мечтах ей рисовалось немолодое и благородное лицо, в котором соединились бы фамильные черты д'Эрбервиллей, – лицо в морщинах, воплотивших воспоминания, представляющие в иероглифических письменах многовековую историю ее рода и Англии. Но, поскольку ей ничего другого не оставалось, она овладела собой и ответила:

– Я пришла к вашей матери, сэр.

– Боюсь, что вам нельзя будет повидать ее, она очень больна уже много лет, – ответил нынешний представитель поддельного рода, мистер Алек – единственный сын недавно скончавшегося джентльмена. – Не могу ли я заменить ее? Вы пришли к ней по какому-нибудь делу?

– Это не дело... это... не знаю, как сказать!

– Для развлечения?

– О нет! Видите ли, сэр, если я вам скажу, это покажется...

В этот момент Тэсс так остро почувствовала всю нелепость своей миссии, что, несмотря на благоговейный страх перед ним и смущение, вызванное пребыванием здесь, улыбка тронула розовые ее губы, что весьма понравилось смуглому Александру.

– Это все очень глупо... – пробормотала она. – Боюсь, что я вам не скажу!

– Ничего, мне нравятся глупости. Попробуйте еще разок, моя милая, – ласково сказал он.

– Мать просила меня пойти, – продолжала Тэсс, – да и я сама хотела это сделать. Но я не думала, что оно так выйдет. Сэр, я пришла сказать, что мы с вами происходим из одного рода.

– Ого! Бедные родственники?

– Да.

– Сток?

– Нет, д'Эрбервилль.

– Да, да... я хотел сказать – д'Эрбервилль.

– Наша фамилия была искажена и стала Дарбейфилд, но у нас есть много доказательств, что мы – д'Эрбервилли. Историки говорят, что это так... И... у нас есть старая печать, а на ней щит со стоящим на задних лапах львом, а над ним – замок; и еще у нас есть старая серебряная ложка – круглая, как ковшик, и с таким же замком. Но она такая старая, что мать размешивает ею гороховую похлебку.

– В моем гербе действительно есть замок, – вежливо заметил он, – и лев, стоящий на задних лапах.

– Вот мать и сказала, что мы должны познакомиться с вами... так как мы по несчастной случайности лишились лошади и... наша ветвь – старейшая.

– Право же, это очень мило со стороны вашей матери, и я лично не жалею о сделанном ею шаге. – С этими словами Алек посмотрел на Тэсс так, что она слегка покраснела. – Значит, вы, красавица, пришли с дружеским визитом к нам, как к родственникам?

– Кажется, да, – пролепетала Тэсс, робея.

– Ну что ж, беды в этом нет. Где вы живете? Кто вы такие?

Она рассказала ему вкратце о своей семье и в ответ на дальнейшие вопросы сообщила, что собирается вернуться с тем же возницей, который привез ее сюда.

– Он еще не скоро будет проезжать мимо Трэнтриджа. А не пройтись ли нам пока по усадьбе, моя хорошенькая кузина?

Тэсс хотелось как можно скорее распрощаться с ним, но молодой человек настаивал, и она наконец согласилась. Он показал ей газоны, клумбы и оранжереи, а потом повел в фруктовый сад и к парникам, где спросил ее, любит ли она клубнику.

– Да, – сказала Тэсс, – но только спелую.

– Здесь она уже поспела.

Д'Эрбервилль начал собирать для нее ягоды. Нагнувшись, он срывал их одну за другой и протягивал ей; затем, выбрав крупную ягоду, сорта «британская королева», он выпрямился и, держа ее за стебелек, поднес к губам девушки.

– Нет, нет! – быстро сказала она, заслоняя пальцами губы. – Я лучше возьму ее рукой.

– Вздор! – настаивал он.

С легким смущением она приоткрыла рот и взяла ягоду губами.

Так они некоторое время бродили по саду, и Тэсс смущенно и покорно ела все, что предлагал ей д'Эрбервилль. Когда она уже не могла больше есть клубнику, он насыпал ягод в ее корзиночку; затем они подошли к розовым кустам, где он нарвал цветов и дал ей, чтобы она приколотла их себе на грудь. Она повиновалась, словно во сне, а когда уже больше некуда было прикреплять их, он сам прицепил один-два бутона к ее шляпе и, совсем расщедрившись, наполнил доверху ее корзинку розами. Наконец, взглянув на часы, он сказал:

– Теперь вам нужно закусить, а затем вы должны отправляться в путь, если не хотите пропустить шеестонский фургон. Идемте, я постараюсь достать вам чего-нибудь поесть.

Сток-д'Эрбервилль повел ее назад к лужайке поставил одну в беседке, но вскоре вернулся и принес корзинку с легким завтраком, который подал ей сам. Молодой человек совершенно явно не желал, чтобы этот приятный *tete-a-tete* был нарушен слугами.

– Вы разрешите мне курить? – спросил он.

– Ну конечно, сэр.

Сквозь клубы дыма, наполнившие палатку, он наблюдал, как она мило и непринужденно ест, а Тэсс Дарбейфилд, с наивной радостью посматривая на розы, приколотые к платью, не догадывалась, что за синей наркотической дымкой восседает «трагический злодей» ее драмы – тот, кому суждено стать кроваво-красным лучом в спектре ее молодой жизни. Тэсс обладала одной особенностью, которая в эту минуту была для нее опасна, – ведь недавно Алек д'Эрбервилль и не спускал с нее глаз. Фигура Тэсс была чуть пышнее, чем полагалось бы по ее возрасту, и поэтому она казалась старше своих лет – скорее женщиной, чем девушкой. Свою фигуру Тэсс унаследовала от матери, не унаследовав ее характера. Порой Тэсс смущала эта ранняя зрелость, но подруги успокоили ее, сказав, что время излечивает подобные недостатки.

Вскоре завтрак был съеден.

– Ну, теперь мне пора домой, сэр, – сказала она, вставая.

– А как вас зовут? – спросил он, когда они шли по аллее и дом уже скрылся из виду.

– В Марлоте меня называют Тэсс Дарбейфилд.

– И вы говорите, что ваши родители потеряли лошадь?

– Я убила ее! – ответила она, и глаза ее наполнились слезами, когда она рассказала о смерти Принца. – Я не знаю, как теперь помочь отцу.

– Нужно подумать, не могу ли я что-нибудь для вас сделать. Моя мать должна найти для вас место. Но только, Тэсс, никаких глупостей о «д'Эрбервилль...». Дарбейфилд – и только. Это совсем другая фамилия.

– Лучшей я и не хочу, сэр, – ответила она с достоинством.

На секунду, только на секунду, когда они подошли к повороту аллеи, скрытому между высокими рододендронами и лаврами, и вдали еще не показалась сторожка, он наклонился к ней, словно... Но нет! Он передумал и отпустил ее.

Так это началось. Осознай Тэсс значение этой встречи, она могла бы спросить, почему обречена была она в тот день привлечь жадный взгляд дурного человека, а не того, кто был благороден и добродетелен настолько, насколько может быть благороден и добродетелен человек; но для того, другого, она была лишь преходящим, полузабытым воспоминанием.

Быть может, план всего сущего задуман и хорошо, но выполняется он плохо: редко на зов приходит нужный человек, и суженый является слишком поздно. Природа не часто

говорит «смотри!» бедному своему созданию в час, когда увидеть – значит найти счастье, и отвечает «здесь!» на крик человеческий «где?», когда игра в прятки успеет прискучить и надоесть.

Мы можем задавать вопрос, будут ли на высшей ступени человеческого прогресса стерты эти анахронизмы благодаря более тонкой интуиции, более совершенному действию социального механизма, который швыряет нас ныне из стороны в сторону, – но такое совершенство нельзя ни предсказывать, ни даже мыслить как возможное. Достаточно того, что в данном случае, как и в миллионах других, две половины совершенного целого не встретились в должный момент, – обе они глупейшим образом блуждали по земле, пока не стало слишком поздно. В результате этого досадного промедления возникли потрясения, тревога, разочарования, несчастья, катастрофы – короче, то, что составляет нашу историю.

Вернувшись в беседку, д'Эрбервилль уселся верхом на стул и задумался о чем-то приятном; потом он громко расхохотался.

– Черт побери! Ну и потеха! Ха-ха-ха! А девушка премиленькая!

VI

Тэсс спустилась с холма к Трэнтриджу и, ни на что не обращая внимания, стала ждать фургон, возвращающийся из Чэзборо в Шестой. Войдя в фургон, она не поняла, что сказали ей другие пассажиры, хотя и ответила им; а когда они снова тронулись в путь, она уставилась в одну точку, ничего не видя по сторонам.

Один из попутчиков заговорил с ней более настойчиво, чем другие:

– Э, да вы лучше любого букета! А какие розы для начала июня!

Тогда Тэсс сообразила, почему ее вид вызывает у них изумление: розы на груди, розы на шляпе, розы и клубника до краев наполняют корзинку. Она вспыхнула и сказала смущенно, что цветы были ей подарены. Когда пассажиры перестали обращать на нее внимание, она украдкой сняла со шляпы те цветы, которые особенно бросались в глаза, и, положив их в корзинку, прикрыла носовым платком, потом снова задумалась и опустила голову, и шипы розы, оставшейся на ее груди, случайно укололи ей подбородок. Как и все жители долины Блекмур, Тэсс была суеверна и придавала огромное значение всяческим приметам: этот укол она сочла дурным предзнаменованием – первый раз за день что-то подобное пришло ей в голову.

Фургон доходил только до Шестона; оттуда до Марлота нужно было пройти несколько миль пешком, спускаясь с холма, на котором расположен был город, в долину. Мать советовала ей, если она устанет, переночевать в Шестоне у одной знакомой. Тэсс так и сделала и вернулась домой лишь на следующий день после полудня.

Войдя в дом, она тотчас же заметила торжествующий вид матери и догадалась, что за это время что-то произошло.

– Я все знаю! Я тебе говорила, что все обойдется прекрасно, и так оно и вышло!

– За мое отсутствие? Что такое? – устало спросила Тэсс.

Мать окинула ее одобрительно-лукавым взглядом и продолжала шутливо:

– Значит, ты их обкрутила!

– Почему ты знаешь, мама?

– Я получила письмо.

Тэсс сообразила, что за этот срок такое письмо могло уже дойти.

– Они пишут... миссис д'Эрбервилль пишет, что хочет поручить тебе присмотр за маленьким птичником, – это ее конек. Но это только уловка, чтобы заполучить тебя туда, не возбуждая никаких надежд. Она хочет признать тебя своей родственницей – вот в чем тут дело.

– Но я ее не видела.

– Но кого-нибудь ты все-таки видела?

– Я видела ее сына.

– И он тебя признал?

– Ну... он называл меня кузиной.

– Так я и знала! Джеки, он называл ее кузиной! – крикнула Джоан мужу. – Ну конечно, он поговорил со своей матерью, и она зовет тебя туда.

– Не знаю, сумею ли я ходить за курами, – неуверенно сказала Тэсс.

– А я не знаю, кто сумеет, если не ты! Ты этим делом занималась чуть не с рождения. А тот, кто знает что-нибудь с рождения, всегда смыслит в этом лучше других. И вдобавок ты должна что-то делать только для виду, чтобы не чувствовать себя нахлебницей.

– Не очень-то я уверена, что мне следует туда идти, – задумчиво сказала Тэсс. – Кто написал письмо? Дай-ка мне посмотреть.

– Написала миссис д'Эрбервилль. Вот оно.

Письмо было написано в третьем лице и кратко уведомляло миссис Дарбейфилд, что миссис д'Эрбервилль готова воспользоваться услугами ее дочери для присмотра за птичником, что ей предоставят удобную комнату, если она согласится, и платить ей будут щедро, если она им понравится.

– И это все? – воскликнула Тэсс.

– Уж не думала ли ты, что она сразу бросится тебе на шею, будет целовать и миловать?

Тэсс посмотрела в окно.

– Будет лучше, если я останусь здесь, с отцом и с тобой, – сказала она.

– Это еще почему?

– Мне не хочется говорить тебе, мать... Да я и сама хорошенько не знаю.

Спустя неделю как-то вечером она вернулась домой после безуспешных поисков какой-нибудь легкой работы по соседству – ее мечтой было заработать за лето денег, чтобы купить другую лошадь. Не успела она переступить порог, как один из ребят заплясал по комнате, восклицая:

– Здесь был джентльмен!

Мать – каждый дюйм ее лица расплывался в улыбку – поспешила объяснить: к ним заезжал сын миссис д'Эрбервилль – он катался верхом около Марлота. Говоря от имени своей матери, он попросил окончательного ответа: согласна ли Тэсс взять на себя заведование ее птичьей фермой – парень, который до сего времени приглядывал за птичником, оказался ненадежным.

– Мистер д'Эрбервилль говорит, что ты должна быть хорошей девушкой, если ты такова, какой кажешься; он уверен, что тебя нужно ценить на вес золота. Сказать по правде, он очень интересуется тобой.

На секунду Тэсс обрадовалась, узнав, что произвела такое хорошее впечатление на незнакомого человека в те минуты, когда чувствовала себя такой униженной.

– С его стороны очень любезно, если он так думает, – прошептала она. – И если бы я знала, каково мне будет жить там, я бы тотчас же пошла.

– Он очень красивый мужчина!

– Я этого не нахожу, – холодно сказала Тэсс.

– Ну, теперь решай свою судьбу – идти или не идти. А у него на пальце прекрасное бриллиантовое кольцо!

– Верно! – весело воскликнул маленький Абрэхэм, сидевший на лавке под окном. – И я его видел – ну и сверкало же оно, когда он гладил усы. Мама, почему наш благородный родственник все время гладил усы?

– Вы только послушайте, что говорит этот ребенок! – в порыве материнского восторга воскликнула миссис Дарбейфилд.

– Может быть, хотел показать свое бриллиантовое кольцо, – задумчиво отозвался сэр Джон.

– Я подумаю, – сказала Тэсс, выходя из комнаты.

– Да, она сразу покорила младшую ветвь нашей семьи, – продолжала матрона, обращаясь к супругу. – И будет душой, если бросит это дело.

– Не очень-то мне хочется, чтобы мои дети уходили из дому, – отозвался тот. – Я глава рода, и остальные родственники должны приходить ко мне.

– Ну, отпусти ее, Джеки, – принялась уговаривать бедная неразумная жена. – Он совсем голову потерял, это сразу видно. Он называл ее кузиной. Очень возможно, что он на ней женится и сделает ее богатой, и она будет тем, чем были ее предки.

У Джона Дарбейфилда тщеславия было больше, чем энергии или здоровья, и это предположение пришлось ему по вкусу.

– Да, пожалуй, молодой мистер д'Эрбервилль именно это и имеет в виду, – согласился он, – и, быть может, он серьезно подумывает о том, чтобы облагородить свою кровь, соединившись со старой ветвью. Ну и плутовка же Тэсс! Неужто она и в самом деле поехала к ним за этим?

А Тэсс задумчиво бродила по саду меж кустов крыжовника у могилы Принца. Когда она вошла в дом, мать тотчас вернулась к прежней теме.

– Ну, что же ты думаешь делать? – спросила она.

– Жаль, что я не видела миссис д'Эрбервилль, – сказала Тэсс.

– По мне, соглашайся-ка ты поскорее. Вот тогда ты ее и увидишь.

Отец кашлянул.

– Я не знаю, что сказать! – волнуясь, ответила девушка. – Решайте вы. Я убила старую лошадь и, значит, должна что-то сделать, чтобы раздобыть для вас новую. Но... мистер д'Эрбервилль мне что-то не очень нравится.

Дети, которые привыкли смотреть на уход Тэсс к богатым родственникам (ведь они верили, что эти люди – их родня) своеобразным возмещением за смерть старой лошади, заметив колебания Тэсс, начали хныкать и дразнить и упрекать ее за нерешительность.

– Тэсс не хо-о-чет идти и стать бога-а-а-той! Она говорит, что не по-о-о-йдет! – тянули они, разинув рты. – А у нас не будет хорошей новой лошади и золотых монеток на игрушки! И Тэсс уже не бу-у-у-дет такой хорошенькой в новом пла-а-а-тье!

Мать присоединилась к их хору – из-за ее привычки затягивать до бесконечности свою работу по дому работа эта казалась много труднее, чем была на самом деле, – и теперь она ссылаясь на тяготы домашнего хозяйства. Один только отец соблюдал нейтралитет.

– Я пойду, – сказала наконец Тэсс.

Мать не сумела скрыть, какие надежды на свадьбу пробудило в ней согласие девушки.

– Вот и хорошо! Нельзя же хорошенькой девушке упускать такой случай!

Тэсс сердито усмехнулась:

– Правда, это случай заработать деньги, но и только! Ты лучше не говори таких глупостей соседям.

Миссис Дарбейфилд ничего не обещала. После лестных слов гостя она чувствовала себя вправе намекать на многое.

Итак, вопрос был решен; девушка написала, что готова явиться в любой день, как только понадобятся ее услуги. Скоро она получила ответ: миссис д'Эрбервилль рада ее решению и вышлет за ней и ее пожитками двуколку на вершину холма послезавтра, и к этому дню она должна быть готова. Почерк миссис д'Эрбервилль очень напоминал мужской.

– Двуколка? – недоверчиво прошептала Джоан Дарбейфилд. – За своей родственницей она могла бы прислать коляску!

Приняв наконец решение, Тэсс стала менее тревожной и рассеянной, ее поддерживала мысль, что, занимаясь нетрудным делом, добудет для отца лошадь. Она надеялась получить место школьной учительницы, но судьба решила иначе. Духовно она была гораздо взрослее своей матери и ни на секунду не принимала всерьез матримониальных надежд миссис Дарбейфилд. Легкомысленная женщина подыскивала блестящие партии для своей дочери чуть ли не с первого года ее жизни.

VII

В день отъезда Тэсс проснулась до рассвета – в те последние мгновения ночи, когда леса еще безмолвствуют и только одна пророческая птица звонко распевает в твердом убеждении, что она-то, уж во всяком случае, знает час рассвета, тогда как все остальные хранят молчание, словно они в равной мере убеждены в ее ошибке. До завтрака Тэсс оставалась наверху, укладывая вещи, а потом спустилась вниз в своем обычном будничном платье, – праздничный ее наряд был заботливо уложен в сундучок.

Мать запротестовала:

– Неужто ты не приоденешься, отправляясь в гости к родным?

– Но я еду работать! – сказала Тэсс.

– Так-то оно так, – отозвалась мать и совсем другим тоном добавила: – Пожалуй, сначала тебе дадут для вида какую-нибудь работу... Но, по мне, разумнее будет показать себя с лучшей стороны, – добавила она.

– Хорошо, тебе лучше знать, – с невозмутимым равнодушием ответила Тэсс.

И, чтобы угодить матери, девушка отдала себя в руки Джоан, сказав спокойно:

– Делай со мной, что хочешь, мать.

Миссис Дарбейфилд была в восторге от такой сговорчивости. Первым делом она принесла большой таз и столь тщательно вымыла волосы Тэсс, что, высушенные и расчесанные, они стали вдвое пышнее обычного. Перевязала она их красной лентой – гораздо шире будничной; затем надела на Тэсс то самое белое платье, какое было на ней в день клубного гулянья, – воздушное широкое платье, придававшее ее фигуре зрелость, которая не соответствовала ее возрасту; благодаря этому платье и прическе ее могли принять за взрослую женщину, хотя она была еще почти ребенком.

– У меня дырка на пятке! – объявила Тэсс.

– Ну, что там думать о дырявых чулках! Их не видно. Когда я была девушкой, меня не заботили мои пятки, если на мне была хорошенькая шляпка.

И, гордая внешностью девушки, мать отступила, словно художник от мольберта, на шаг назад, созерцая свое произведение.

– Ты должна на себя поглядеть! – воскликнула она. – Сегодня ты куда лучше, чем в тот раз.

Так как крохотное зеркальце могло отражать лишь малую часть человеческой фигуры, миссис Дарбейфилд завесила окно снаружи черным плащом, превратив оконное стекло в большое трюмо – как это часто делают деревенские жители, наряжаясь. Затем она спустилась к мужу.

– Вот что я тебе скажу, Дарбейфилд, – торжествующе заговорила она, – ему не устоять. Но только поменьше говори с Тэсс о его любви и о счастливом ее будущем. Она такая странная, что это может восстановить ее против него... да как бы она и теперь не отказалась туда ехать! Если все пойдет хорошо, я непременно отблагодарю этого священника из Стэгфут-Лейна за то, что он нам сказал. Хороший он человек!

Однако, когда приблизилась минута прощания и улеглось первое возбуждение, вызванное заботой о наряде, в душу Джоан Дарбейфилд проникли легкие опасения, и матрона выразила желание проводить дочь до того места, где дорога, ведущая из долины во внешний мир, начинала круто подниматься в гору. На вершине холма Тэсс должна была ждать двуколка, высланная Сток-д'Эрбервиллями, и мальчишка уже повез на тачке ее сундучок на холм, чтобы все было готово заранее.

Видя, что мать надевает чепец, младшие дети захотели идти с нею:

– Мы хотим проводить сестрицу, потому что она выйдет замуж за нашего знатного двоюродного брата и будет носить красивые платья!

– Чтобы я этого больше не слышала! – сказала Тэсс, краснея и быстро оборачиваясь. – Мать, зачем ты им вбиваешь в голову такой вздор?

– Она будет работать, мои милые, у наших богатых родственников и поможет скопить денег на покупку новой лошади, – поспешила водворить мир миссис Дарбейфилд.

– Прощай, отец, – сказала Тэсс, чувствуя, как у нее сжимается горло.

– Прощай, дочка, – отозвался сэр Джон, приподнимая поникшую на грудь голову. Он клевал носом, так как по случаю торжественного дня хлебнул лишнего. – Надеюсь, юному моему другу понравится такая миловидная представительница его рода. И скажи ему, Тэсс, что, обеднев после бывшего величия, я продам ему титул, – да, продам, и за умеренную цену.

– Не меньше чем за тысячу фунтов! – воскликнула леди Дарбейфилд.

– Скажи ему, что я возьму тысячу фунтов. Ну, уж коли на то пошло, возьму меньше. Он его украсит лучше, чем такой жалкий бедняк, как я. Скажи ему, что он его получит за сотню. Но я не буду торговаться из-за пустяков! Скажи, что я отдам за пятьдесят – за двадцать фунтов! Да, двадцать фунтов – это последняя цена. Черт возьми, фамильная честь есть фамильная честь, и я не возьму ни на пенни меньше!

Слезы душили Тэсс, и она не могла высказать овладевшую ею горечь. Она быстро повернулась и вышла.

Мать и дети вместе отправились в путь; девочки держали Тэсс за руки и время от времени задумчиво посматривали на нее, словно ей предстояло совершить великие подвиги; мать шла сзади. Группа эта напоминала картину: в центре юная красота, по бокам невинность, на заднем плане простодушное тщеславие. Они приблизились к подножию холма, на вершине которого ее должна была ждать повозка из Трэнтриджа (место это было выбрано для того, чтобы избавить лошадь от трудного подъема). Вдали за первой цепью холмов, как нарост на кряже, виднелся Балбэрроу. Дорога на гребне была пустынна, и только посланный вперед мальчишка восседал на ручке тачки, вместившей все имущество Тэсс.

– Подождем здесь, двуколка должна скоро приехать, – сказала миссис Дарбейфилд. – Да вот она!

И действительно, на гребне холма внезапно появилась двуколка и остановилась возле тачки. Мать и дети решили не идти дальше, и, торопливо попрощавшись с ними, Тэсс стала подниматься на холм.

Они видели, как белая ее фигура приближалась к двуколке, на которой уже стоял ее сундучок. Но не успела она поравняться с ней, как из-за купы деревьев на вершине показался другой экипаж, миновал поворот, двуколку с багажом и остановился возле Тэсс, которая с изумлением повернулась.

Тогда мать заметила, что второй экипаж не похож на жалкую двуколку, – это был новенький, блестящий лаком кабриолет. Лошадью правил молодой человек лет двадцати трех – двадцати четырех, с сигарой в зубах; на нем было модное кепи, темно-серая куртка, такие же панталоны, белый галстук, стоячий воротничок и коричневые перчатки, – короче, это был тот самый красивый молодой щеголь, который недели две назад приезжал к ним узнать ее решение относительно Тэсс.

Миссис Дарбейфилд, как ребенок, захлопала в ладоши, опустила глаза, потом снова стала всматриваться. Могло ли ее обмануть значение этой встречи?

– Это и есть знатный родственник, который сделает сестрицу знатной дамой? – спросил младший из ребят.

Между тем видно было, что Тэсс в нерешительности стоит перед кабриолетом, слушая, что говорит ей его владелец. Но то, что казалось нерешительностью, на самом деле было кое-чем более серьезным – предчувствием дурного. Тэсс предпочла бы скромную двуколку.

Молодой человек вышел из экипажа и, по-видимому, уговаривал ее сесть. Она повернулась в ту сторону, где остались ее родные, и посмотрела на маленькую группу. Казалось, что-то подтолкнуло ее принять решение: быть может, мысль о том, что она убила Принца. Она быстро села в кабриолет, молодой человек занял место рядом с ней и тотчас же хлестнул лошадь. Через секунду они обогнали медленно тащившуюся двуколку с сундучком и скрылись за выступом холма.

Как только Тэсс скрылась из виду и случившееся перестало быть интересным зрелищем, глаза малышей наполнились слезами. Младшая девочка сказала: «Я не хочу, чтобы бедная Тэсс уезжала и делалась знатной дамой!» Рот ее искривился, и она расплакалась. Это оказалось заразительным: сестра последовала ее примеру, и наконец разревелись все трое.

Слезы были и на глазах Джоан Дарбейфилд, когда она повернулась, чтобы идти домой. Но когда они добрались до деревни, она уже снова уверовала в милость случая. Однако ночью, лежа в постели, она вздохнула и на вопрос мужа, что с ней, ответила:

– Сама хорошенько не знаю. Только я подумала сейчас, что было бы, пожалуй, лучше, если бы Тэсс не уехала.

– Ну, об этом нужно было думать раньше!

– Но девушке выпал случай... А все-таки, если бы начинать все сначала, я бы ее не отпустила, не разузнав заранее, действительно ли этот джентльмен добропорядочный молодой человек и интересуется ею как родственницей.

– Да, пожалуй, следовало бы это сделать, – проворчал сэр Джон.

Джоан Дарбейфилд всегда ухитрялась найти какое-нибудь утешение.

– Ну что ж, ведь она из их же древнего рода и должна с ними поладить, если пустит в ход свой козырь. А если он теперь на ней не женится, то женится после. Всякому видно, что он от нее без ума.

– А какой у нее козырь? Кровь д'Эрбервиллей?

– Нет, дурачок, – ее лицо; и у меня было такое же.

VIII

Усевшись рядом с Тэсс, Алек д'Эрбервилль, расточая ей комплименты, быстро погнал лошадь вдоль гребня холма; двуколка с сундучком осталась далеко позади. По обе стороны от них открывались необъятные просторы: сзади – зеленая долина, где она родилась, впереди – серая страна, о которой она знала лишь то, что успела увидеть во время первого короткого пребывания в Трэнтридже. Потом начался спуск – прямая дорога шла под уклон почти на протяжении мили.

С того дня, как погибла лошадь ее отца, Тэсс Дарбейфилд, хотя и смелая от природы, стала бояться езды, даже легкие толчки ее пугали. Сейчас она с беспокойством заметила, как неосторожно правит лошадью ее спутник.

– Я думаю, спускаться вы будете медленно, сэр? – сказала она с напускной беззаботностью.

Д'Эрбервилль повернулся к ней, прикусил сигару крупными белыми зубами, и губы его раздвинулись в медленную улыбку.

– Что же это, Тэсс? – сказал он, попыхивая сигарой. – Как можете вы, смелая девушка, задавать такой вопрос? Конечно, я всегда пускаю лошадь в галоп – самый лучший способ поднять настроение.

– Но, быть может, сейчас вам этого не нужно?

– Увы! – отозвался он, покачивая головой. – Считается приходится с двумя. Я не один. Нельзя забывать о Тиб, а у нее капризный норов.

– Кто это?

– Да моя кобыла. Мне показалось, что она только что оглянулась и посмотрела на меня очень хмуро. Вы не заметили?

– Не надо пугать меня, сэр, – сдержанно сказала Тэсс.

– Я вас не пугаю. Если есть на свете человек, который мог бы справиться с этой лошадью, то человек этот – я. Я не утверждаю, что это вообще возможно, но если кто-нибудь имеет над ней власть, то это я.

– Зачем же вы держите такую лошадь?

– Вот об этом стоит спросить. Должно быть, такая моя судьба. Тиб уже убила одного парня, а как только я ее купил, она едва не убила меня. Затем – можете мне поверить – я едва не убил ее. Но она все-таки капризна, очень капризна; и порою иметь с ней дело – значит рисковать жизнью.

Они только что начали спускаться, и ясно было, что лошадь сама, или повинуюсь его воле (последнее было более вероятно), прекрасно понимала, какого безрассудства от нее ждут, и не нуждалась в понукании.

Вниз, вниз мчались они! Колеса жужжали, как волчок, кабриолет кренился то вправо, то влево – он летел слегка наклонно, – круп лошади перед ними поднимался и опускался, как волна. Порой колесо приподнималось над землей, казалось, на много ярдов, камни, вертясь, летели через изгородь, из-под копыт лошади вырывались искры, видные даже при дневном свете. Прямая дорога перед ними словно расширялась, насыпи по сторонам раздвигались, как концы расщепленной палки, и проносились мимо.

Ветер продувал насквозь белое муслиновое платье Тэсс, а вымытые ее волосы развеивались за спиной. Она решила скрыть свой страх, но схватила д'Эрбервилля за руку, державшую вожжи.

– Отпустите руку! Нас может вышвырнуть, если вы будете это делать! Обнимите меня за талию.

Она обхватила его за талию, и так они спустились к подножию холма.

– Слава богу, целы, несмотря на ваше безумство! – сказала она; лицо ее пылало.

– Тэсс, фи! Вы сердитесь! – отозвался д'Эрбервилль.

– Я правду говорю.

– А как вы неблагодарны – перестали за меня держаться, как только почувствовали себя в безопасности!

Она не думала о том, что делает, когда помимо своей воли уцепилась за него; ей было все равно, мужчина это или женщина, палка или камень. Теперь, опомнившись, она ничего не сказала и продолжала хранить молчание, пока они не поднялись на вершину следующего холма.

– Ну вот, еще разок! – сказал д'Эрбервилль.

– Нет! – воскликнула Тэсс. – Прошу вас, сэр, будьте благоразумнее.

– Но когда люди оказываются на вершине одного из высочайших холмов в графстве, надо же им спуститься вниз, – возразил Алек.

Он ослабил вожжи, и снова они понеслись. Когда их начало швырять из стороны в сторону, д'Эрбервилль повернулся к ней и сказал с шутиливой насмешкой:

– Ну-ка, красотка моя, обнимите меня за талию, как раньше.

– Ни за что! – с независимым видом отозвалась Тэсс и старалась удержаться, не прикасаясь к нему.

– Позвольте мне хоть разок поцеловать вас в губки, Тэсс, или хотя бы в эту разгоревшуюся щечку, и я остановлю лошадь, честное слово, остановлю!

Тэсс в безграничном удивлении отодвинулась как можно дальше. Тогда он снова погнал лошадь, и кабриолет стал раскачиваться еще сильнее.

– А без этого не остановитесь? – в отчаянии крикнула она наконец, и взгляд ее больших глаз напоминал взгляд дикого зверька. Напрасно мать наряжала ее – это привело к печальным последствиям.

– Не остановлюсь, дорогая Тэсс, – ответил он.

– Не знаю... Ну, хорошо, мне все равно! – тоскливо выговорила она.

Он натянул вожжи и, когда лошадь замедлила шаг, хотел было запечатлеть поцелуй на щеке Тэсс, но инстинктивная стыдливость заставила девушку отпрянуть. В руках он держал вожжи и не мог предупредить этот маневр.

– Черт возьми, теперь мы оба сломаем шею! – выругался ее капризный и пылкий спутник. – Так вот как вы держите слово, маленькая колдунья!

– Ну, хорошо, – сказала Тэсс. – Я не пошевелинусь, раз вы настаиваете! Но... я думала, вы будете добры ко мне, защитите меня... как родственник.

– К черту родственника! Ну!..

– Но я не хочу, чтобы меня целовали, сэр! – взмолилась Тэсс; крупная слеза скатилась у нее по щеке, уголки рта подергивались, она старалась не расплакаться. – Я бы не поехала, если бы знала!

Он был неумолим, и она умолкла, а д'Эрбервилль поцеловал ее, пользуясь преимуществом своего положения. Едва он это сделал, как она, вспыхнув от стыда, вынула носовой платок и вытерла то место на щеке, которого коснулись его губы. Движение это было бессознательное, и д'Эрбервилль почувствовал себя задетым.

– Очень уж вы чувствительны для деревенской девушки! – сказал он.

Тэсс ничего не ответила на это замечание, смысл которого был ей не совсем понятен, так как она не подозревала, что оскорбила его, вытерев машинально щеку. В сущности, она стерла поцелуй, насколько это было физически возможно. Смутно сознавая, что он рассержен, она упорно смотрела вперед, пока они ехали рысью, и вдруг с ужасом заметила, что им предстоит еще один спуск.

– Вы пожалеете об этом! – заговорил он все тем же обиженным тоном, снова заноса хлыст. – Если только не согласитесь добровольно на повторение... Но на этот раз без носовых платков.

Она вздохнула:

– Хорошо, сэр... Ай! Позвольте, я подниму шляпку!

В этот момент ветер сорвал с нее шляпу, так как они и в гору ехали отнюдь не медленно. Д'Эрбервилль остановил лошадь и сказал, что поднимет шляпу, но Тэсс уже выпрыгнула из экипажа.

Пройдя назад по дороге, она подняла шляпу.

– Клянусь, без шляпки вы еще лучше, если это только возможно! – сказал он, глядя на нее поверх спинки кабриолета. – Ну, садитесь! В чем дело?

Шляпа была надета, и ленты завязаны, но Тэсс не двинулась с места.

– Нет, сэр, – сказала она с торжеством и вызывающе улыбнулась, сверкнув зубами. – Теперь уж я не сяду!

– Как? Вы не хотите сесть рядом со мной?

– Да, я пойду пешком.

– До Трэнтриджа остается еще пять или шесть миль.

– А хоть бы и десять! К тому же за нами едет двуколка.

– Ах вы, хитрая девчонка! А ну-ка скажите, уж не сами ли вы устроили так, чтобы с вас сорвало шляпу? Готов поклясться, что это так!

Ее неосторожное молчание подтвердило его подозрения.

Тогда д'Эрбервилль, не жалея бранных слов, стал ругать и проклинать ее за эту хитрость. Неожиданно дернув вожжами, он направил лошадь на Тэсс, чтобы зажать ее между изгородью и кабриолетом. Но этого он не мог сделать, не рискуя ее искалечить.

– Стыдно вам говорить такие нехорошие слова! – сердито крикнула Тэсс с верхушки изгороди, на которую взобралась. – Вы мне совсем не нравитесь! Я вас ненавижу! Я вас терпеть не могу! Я вернусь домой, к матери!

Ее гнев рассеял дурное настроение д'Эрбервилля, и он от души расхохотался.

– Ну а вы мне еще больше нравитесь, – сказал он. – Давайте заключим мир. Больше я никогда не буду этого делать против вашей воли. Клянусь честью!

Но Тэсс так и не согласилась снова сесть в кабриолет. Однако она не возражала против того, чтобы д'Эрбервилль ехал рядом с ней; и так, шагком, приближались они к деревне Трэнтридж; время от времени д'Эрбервилль бурно выражал отчаяние, видя, что своим поведением принудил ее идти пешком. Теперь она действительно могла бы ему довериться, но один раз он обманул ее – и сейчас она упорствовала и шла задумчиво, словно размышляя о том, не благоразумнее ли вернуться домой. Однако решение было принято, и отступить от него теперь без более веских причин казалось чуть ли не ребячеством. Могла ли она, руководствуясь такими сентиментальными соображениями, забрать свой сундучок, вернуться к родителям и разрушить план восстановления семейного благополучия?

Несколько минут спустя показались трубы усадьбы «Косогор», а направо, в уютном уголке, – птичий двор и домик, предназначенный для Тэсс.

IX

Птичья община, в которой Тэсс должна была играть роль надзирательницы, поставщика, няньки, врача и любящего друга, обитала в старом, крытом соломой домике, на обнесенной оградой утоптанной песчаной площадке, где когда-то был сад. Домик зарос плющом, и дымовая труба, увитая его густыми плетями, казалась разрушенной башней. Нижний этаж целиком был отдан птицам, которые с видом собственников разгуливали по комнатам, словно дом был построен ими, а не какими-то арендаторами, ныне покоящимися на кладбище. Потомки этих прежних владельцев почувствовали себя глубоко оскорбленными, когда дом, который они любили, который стоил таких денег их предкам, в котором жило несколько поколений их семьи задолго до того, как здесь появились д'Эрбервилли, – когда этот дом миссис Сток-д'Эрбервилль, едва утвердившись в правах собственности, равнодушно превратила в курятник. «В дедовские времена дом был достаточно хорош и для людей», – говорили они.

В комнатах, где когда-то пищали десятки младенцев, слышалось теперь постукивание вылупливающихся из яиц цыплят. Клетки с курами помещались там, где некогда стояли стулья степенных земледельцев. Камин, в котором прежде пылал огонь, был заполнен перевернутыми ульями – в них неслись куры; а перед домом, где поколения прежних владельцев заботливо вскапывали участок лопатой, земля была отчаянно изрыта петухами.

Домик и участок окружала высокая ограда, и попасть туда можно было только через калитку.

На следующее утро Тэсс в течение часа занималась изменениями и улучшениями этого хозяйства, руководствуясь своим опытом – она ведь была дочерью куровода-профессионала, – как вдруг калитка распахнулась, и во двор вошла служанка в белом чепце и переднике. Явилась она из господского дома.

– Миссис д'Эрбервилль хочет, чтобы к ней, как всегда, принесли кур, – сказала она, но, видя, что Тэсс не совсем поняла ее, пояснила: – Хозяйка у нас старая и совсем слепая.

– Слепая! – повторила Тэсс.

Не успев осознать, какие опасения вселила в нее эта новость, Тэсс, по указанию служанки, взяла на руки двух самых красивых птиц гамбургской породы и последовала за девушкой, тоже захватившей двух птиц, в господский дом, фасад которого, хотя красивый и внушительный, свидетельствовал о том, что кто-то из его обитателей питает любовь к домашней птице: тут всюду летали перья, а на траве стояли клетки.

В гостиной нижнего этажа в глубоком кресле, повернувшись спиной к свету, сидела владелица и хозяйка усадьбы – седая женщина лет шестидесяти, не больше. У нее было подвижное лицо человека, которому зрение изменяло постепенно и который пытался его сохранить, – ведь у людей, давно ослепших или слепых от рождения, лицо бывает застывшее. Тэсс приблизилась к ней, не выпуская свою пернатую ношу, – птицы сидели на обеих ее руках.

– А, вы та молодая женщина, которая будет смотреть за моими курочками? – сказала миссис д'Эрбервилль, услышав незнакомые шаги. – Надеюсь, вы будете ласковы с ними. Мой управляющий говорит, что на вас можно положиться. Ну, где же они? А, это Гордец! Но сегодня он, кажется, не так весел, как всегда? Должно быть, испугался, попав в чужие руки. И Фина тоже... да, они немножко испуганы. Правда, мои миленькие? Но они скоро к вам привыкнут.

В то время как старуха говорила, Тэсс и служанка, повинаясь ее жестам, посадили птиц к ней на колени, и она оглаживала их с головы до хвоста, ощупывая юновы, гребешки, воротнички у петухов, крылья их и лапы. Прикасаясь к ним, она тотчас же их узнавала и

немедленно обнаруживала каждое сломанное или запачканное перышко. Она щупала им зоб и догадывалась, что они ели и не слишком ли мало или много; на лице ее живо отражались все ее впечатления.

Птицы, принесенные девушками, были затем водворены обратно на птичий двор, их сменили новые, и процедура осмотра продолжалась до тех пор, пока старухе не были предъявлены все любимые петухи и куры – гамбургги, бантамы, кохинхины, брамы, доркинги и другие породы, бывшие тогда в моде, – и когда птицу сажали к ней на колени, старуха, опознавая ее, редко ошибалась.

Тэсс это напомнило конфирмацию: миссис д'Эрбервилль была епископом, куры – конфирмуемой молодежью, а она сама и служанка – священником и викарием прихода, провожающими свою паству в церковь. По окончании церемонии миссис д'Эрбервилль, морща лицо и пожевывая губами, вдруг спросила Тэсс:

– Вы умеете свистеть?

– Свистеть, сударыня?

– Да, насвистывать мелодии.

Тэсс, как и большинство деревенских девушек, умела свистеть, но считала, что этим искусством не хвастаются в приличном обществе. Однако она вежливо ответила, что свистеть умеет.

– В таком случае вам придется заниматься этим каждый день. У меня служил мальчик, который очень хорошо свистел, но он ушел. Вы будете свистеть моим снегирям; видеть их я не могу, но мне приятно их слушать, а так они учатся петь. Покажите ей, где находятся клетки, Элизабет. Вы должны начать завтра, а то они забудут все, чему выучились. Вот уже несколько дней, как с ними никто не занимался.

– Мистер д'Эрбервилль свистел им сегодня утром, сударыня, – сказала Элизабет.

– Он? Вот еще!

Лицо старой дамы брезгливо сморщилось, и больше она не сказала ни слова.

Так закончилось свидание Тэсс с той, которую она считала своей родственницей, и куры были отнесены в птичник. Обращение миссис д'Эрбервилль не слишком удивило девушку – увидав, как велика усадьба, она и не ждала другого приема. Однако она и понятия не имела о том, что старая дама ничего не слышала об их так называемом родстве. Она решила, что слепая женщина и ее сын отнюдь не связаны крепкими узами любви. Но и в этом она также ошиблась. Миссис д'Эрбервилль была не единственной матерью, которой суждено питать к своему отпрыску любовь, окрашенную обидой и горечью.

Несмотря на неприятные впечатления первого дня, утром, когда засияло солнце, Тэсс почувствовала себя обосновавшейся здесь и порадовалась свободе и новизне своего положения. Ей не терпелось испробовать свои силы в искусстве, которое столь неожиданно от нее потребовалось, – ведь это решало, останется ли место за ней. И вот, едва Тэсс осталась одна в саду, обнесенном стеной, она уселась на клетку для кур и старательно выпятила губы, намереваясь заняться давно заброшенным искусством. С грустью она обнаружила, что совсем разучилась свистеть: выдувая воздух, она издавала только глухие замогильные звуки, и у нее не получалось ни одной чистой ноты.

Тщетно продолжала она дуть, испуская иногда досадливые восклицания и удивляясь, куда исчезла способность, которая казалась прирожденной, как вдруг заметила какое-то движение в плюще, обвивавшем ограду так же густо, как и коттедж. Взглянув в ту сторону, она увидела, что кто-то спрыгнул со стены на землю. Это был Алек д'Эрбервилль, которого она не видела со вчерашнего дня, когда он привел ее к дому садовника, где ей было отведено помещение.

– Клянусь честью, – воскликнул он, – не было еще ни в природе, ни в искусстве ничего прекраснее вас, кузина Тэсс! (Слово «кузина» звучало слегка иронически.) Я следил за вами из-за ограды. Вы, словно статуя Нетерпения, восседаете на пьедестале, складываете свои прелестные розовые губки, будто собираясь свистеть, дуετε, дуετε, ругаетесь про себя – и не можете извлечь ни одной ноты, и злитесь, потому что это вам не удастся.

– Я не злюсь, и я не ругалась.

– А! Я понимаю, почему вы это делаете! Снегири! Моя матушка хочет, чтобы вы продолжили их музыкальное образование! Как это эгоистично с ее стороны. Словно ухаживать за этими проклятыми петухами и курами – легкая работа! Будь я на вашем месте, я бы наотрез отказался.

– Но она особенно на этом настаивает и хочет, чтобы я приготовилась к завтрашнему утру.

– Вот как? Ну, в таком случае я дам вам один-два урока.

– Ах, нет, не надо! – сказала Тэсс, отступая к двери.

– Не бойтесь! Я не намерен вас трогать. Смотрите, я буду стоять по эту сторону проволочной сетки, а вы можете остаться по другую; тогда вы будете себя чувствовать в полной безопасности. Ну, глядите: вы слишком выпячиваете губы, надо вот как.

Он показал, как нужно складывать губы, и начал насвистывать песенку «Прочь уста – весенний цвет!». Но Тэсс не поняла намека.

– Попробуйте-ка теперь, – сказал д'Эрбервилль.

Она пробовала сохранить невозмутимый вид, лицо ее было сурово, как у статуи; но он настаивал, и наконец, чтобы отделаться от него, она, следуя его указаниям, вытянула губы трубочкой, но ей не удалось извлечь чистую ноту, и она смущенно рассмеялась, а потом покраснела от досады на себя за то, что рассмеялась.

Он подбадривал ее:

– Попробуйте еще раз.

Теперь Тэсс была серьезна, совсем серьезна и сделала еще одну попытку, – и наконец неожиданно ухитрилась издать чистый, приятный звук. Радость, вызванная удачей, была слишком велика – глаза Тэсс широко раскрылись, и она невольно улыбнулась ему.

– Вот так! Теперь, когда я дал вам толчок, дело пойдет на лад. Я сказал, что не подойду к вам, и, хотя ни одному смертному не выпадал на долю такой соблазн, я сдержу слово. А скажите, Тэсс, моя мать показалась вам странной?

– Я еще мало ее знаю, сэр.

– Ну и как ей не показаться странной, если она заставляет вас свистеть для своих снегирей. Я пока у нее в немилости, но вы завоюете ее благосклонность, если будете хорошо обращаться с птицами. До свидания. Если встретятся какие-нибудь затруднения и вам понадобится помощь, не ходите к управляющему, идите прямо ко мне.

Вот так Тэсс Дарбейфилд приступила к своей работе. Все последующие дни были, в сущности, повторением первого. Привычка быть в обществе Алека д'Эрбервилля, которую этот молодой человек старательно в ней развивал, заводя веселый разговор и шутливо называя ее своей кузиной, когда они оставались вдвоем, – привычка эта почти избавила ее от прежней застенчивости, не вселив, однако, того чувства, какое может породить застенчивость иную и более нежную. Но податливее сделало ее не одно только общение с ним, а неизбежная зависимость от его матери и – вследствие относительной ее беспомощности – от него.

Вскоре она убедилась, что насвистывание мелодий снегирям в комнате миссис д'Эрбервилль было не таким уж трудным делом, когда она овладела этим искусством, так как у своей матери она переняла много песенок, подходивших для этих певцов. Насвистывать по утрам у клеток оказалось гораздо приятнее, чем упражняться в саду. Не стесненная присут-

ствием молодого человека, она вытягивала губы, приближала их к прутьям клеток и рассыпала мелодичные трели для своих внимательных слушателей.

Миссис д'Эрбервилль спала на широкой кровати с шелковым пологом, а снегири помещались в той же комнате, где иногда порхали там на свободе, оставляя белые пятнышки на мебели и драпировке. Однажды, когда Тэсс стояла у окна, уставленного клетками, давая обычный урок, ей послышался шорох, доносившийся из-за кровати. Старой дамы в комнате не было, и, оглянувшись, девушка заметила, что из-под бахромы занавесей высунулись носки башмаков. После этого она хотя и продолжала свистеть, но так нестройно, что слушатель, если таковой имелся, понял, что она подозревает о его присутствии. С тех пор она каждое утро заглядывала за занавеси, но никого там не находила. По-видимому, Алек д'Эрбервилль решил больше не пугать ее и не устраивать засад.

Х

Каждая деревня имеет свои особенности, свою конституцию, свой собственный кодекс морали. Некоторые молодые женщины в Трэнтридже и его окрестностях отличались большим легкомыслием, что объяснялось, пожалуй, соседством «Косогора» и характером его владельца. Местность эта была отмечена еще одним, более постоянным пороком: здесь много пили. На окрестных фермах все разговоры обычно сводились к тому, что делать сбережения бесполезно; математики в рабочих блузах, облокотясь на плуг или мотыгу, производили блестящие вычисления, доказывая, что пособие, выдаваемое приходом, лучше может обеспечить человека на старости лет, чем какие бы то ни было сбережения, сделанные в течение целой жизни.

Эти философы пуще всего любили отправляться каждый субботний вечер, по окончании работ, в Чэзборо – городок, находившийся на расстоянии двух-трех миль и давно пришедший в упадок. Вернувшись на рассвете, они все воскресенье спали, исцеляя сном расстройство пищеварения, вызванное странной смесью, какую продавали им под видом пива монополисты, прибравшие к рукам прежде независимые трактиры.

В течение долгого времени Тэсс не принимала участия в этом еженедельном паломничестве. Но по настоянию замужних женщин, которые были лишь немногим старше ее, – ибо здесь, как повсюду, процветали ранние браки – она наконец согласилась пойти. Этот первый опыт был гораздо приятнее, чем она ожидала, – веселость товаров оказалась заразной после недели однообразной работы на птичьем дворе. Она пошла еще раз и еще раз. Изящная и привлекательная, переживающая пору расцвета, она притягивала лукавые взгляды гуляк на улицах Чэзборо; поэтому, нередко отправляясь в городок одна, она с наступлением сумерек всегда отыскивала своих товаров, чтобы вернуться домой под их защитой.

Так продолжалось в течение следующих двух месяцев; наконец, в начале сентября субботний базарный день совпал с ярмаркой, и по этому случаю паломники из Трэнтриджа вдвойне веселились по трактирам.

Работа задержала Тэсс, она вышла поздно, и ее товарки добрались до города задолго до нее. Был чудесный сентябрьский вечер – тот час, когда перед заходом солнца желтые, тонкие, как волос, лучи борются с синеватыми тенями и воздух сам по себе рождает перспективу, не нуждаясь для этого в предметах крупнее бесчисленных кружащихся в нем крылатых насекомых. В этой сумеречной дымке не спеша шла Тэсс.

Только дойдя до городка, она узнала о том, что базарный день совпал с ярмаркой, а к тому времени уже начало темнеть. Она быстро покончила со своими немногочисленными покупками и потом, по обыкновению, начала искать кого-нибудь из обитателей Трэнтриджа.

Сначала она не могла их найти, и ей сказали, что почти все отправились к дому торговца сеном и торфом, имевшего дела с их фермой, чтобы там, в укромном месте, как они выражались, «отхватить джигу». Человек этот жил где-то на окраине городка, и Тэсс, отыскивая дорогу, вдруг увидела на углу одной из улиц мистера д'Эрбервилля.

– Как! Вы здесь, моя красотка? Так поздно? – сказал он.

Она объяснила ему, что поджидает попутчиков.

– Мы еще увидимся, – бросил он ей вслед, когда она свернула в глухой переулок.

Подходя к дому торговца, она уловила скрипичную мелодию джиги, доносившуюся из какого-то строения позади дома, но звуков пляски не было слышно – явление необычное в этих краях, где, как правило, топот заглушает музыку. Двери в доме были распахнуты настежь, и через заднюю дверь она разглядела сад, окутанный ночью тенью; никто не ответил на ее стук, и она, пройдя коридор, пошла по дорожке, ведущей к сараю, где взвизгивала скрипка.

Это было строение без окон, служившее складом, и оттуда, из открытых дверей, плыл во тьму яркий желтый туман, который Тэсс сначала приняла за светящийся дым. Но, подойдя ближе, она поняла, что это было облако пыли, освещенное свечами, горевшими в сарае; лучи их вырывались через раскрытую дверь в ночной простор сада.

Заглянув в сарай, она увидела неясные силуэты, метавшиеся в пляске, – топота не было слышно, потому что ноги танцоров по щиколотку утопали в торфяной трухе и всяком другом мусоре, чем и объяснялось возникновение пыльного облака, заполнившего весь сарай. Эта плавающая в воздухе затхлая торфяная и соломенная пыль, смешиваясь с горячими испарениями тел, образовала нечто вроде растительно-человеческой пыльцы, и сквозь нее слабо пробивались приглушенные звуки скрипок, отнюдь не отвечавшие той страсти, какая чувствовалась в пляске. Танцоры плясали и кашляли, кашляли и смеялись. Еле-еле можно было разглядеть проносившиеся пары, – во мгле казалось, будто сатиры обнимают нимф, множество Панов кружится со множеством Сиринг и Лотис тщетно пытается ускользнуть от Приапа.

То и дело какая-нибудь пара подходила к двери подышать воздухом, – здесь туман уже не заволакивал лиц и полубоги превращались в простых людей, близких соседей Тэсс. Что за сумасшедшая перемена произошла за два часа с Трэнтриджем?

У стены, на скамьях и прессованном сене восседало несколько Силенов, и один из них узнал ее.

– Девушки считают неприличным плясать в «Лилии», – сказал он. – Не очень-то им хочется, чтобы все узнали, кто их миленький. А к тому же трактир иной раз закрывают, когда они только-только распляшутся. Вот мы и собираемся здесь, а за выпивкой посылаем.

– Но когда же кто-нибудь из вас пойдет домой? – с беспокойством спросила Тэсс.

– Теперь уж скоро. Это последняя джига.

Она осталась ждать. Пляска окончилась, и кое-кто начал поговаривать, что уже пора бы пуститься в обратный путь, но другие не соглашались, и начался новый танец. «Это уже наверняка последний», – решила Тэсс. Однако за ним последовал еще один. Она встревожилась, но, прождав так долго, она должна была ждать еще: по случаю ярмарки дороги кишели бродягами, и бог весть, что могло быть у них на уме. Тэсс не боялась реальной опасности – она боялась неведомого. Находилась она близ Марлота, ей было бы не так страшно.

– Ну чего беспокоиться, милочка? – увещевал ее между припадками кашля молодой парень с лицом, мокрым от пота; его соломенная шляпа так далеко съехала на затылок, что поля обрамляли голову, как нимб – голову святого. – Куда спешить? Слава богу, завтра воскресенье, можно отоспаться во время церковной службы. Потанцуем?

Нельзя сказать, чтобы она не любила танцы, но здесь ей не хотелось плясать. А пляска становилась все более бурной; скрипачи, заслоненные светящимся облаком, то и дело пиликали тыльной стороной смычка или за кобылкой. Но это не имело значения: танцующие задыхались, но продолжали кружиться.

Парочки не разлучались, если им этого не хотелось. Менять кавалера или даму было принято лишь в том случае, если первый выбор оказывался неудачным, а теперь все пары были уже подобраны по вкусу. И вот начался экстаз, началось сновидение, в котором сущность вселенной – чувство, а реальность – только случайная помеха, останавливающая вихрь, в котором хочется кружиться.

Вдруг раздался глухой удар: одна из парочек споткнулась и растянулась на полу. Следующая пара налетела на упавших и свалилась на них. Над распростертыми фигурами поднялся столб пыли, и в пыльном облаке можно было разглядеть дергающиеся сплетенные руки и ноги.

– Дома я с тобой за это рассчитаюсь, миленький! – донесся из кучи тел женский голос – голос злополучной дамы того неуклюжего парня, по чьей вине произошло несчастье; она

была не только его дамой, но и его молодой женой – в Трэнтридже молодожены обычно танцуют вместе, пока их любовь не остынет; да и в последующие годы семейные избегают выбирать холостых и незамужних, которые, быть может, уже договорились между собой.

В тени сада, за спиной Тэсс, раздался громкий смех, слившийся с хихиканьем в сарае. Она оглянулась и увидела красный огонек сигары. Там стоял Алек д'Эрбервилль. Он помахивал ей, и она неохотно подошла к нему.

– Что вы здесь делаете, моя красавица, в такой поздний час?

Она так устала после долгого дня и ходьбы, что поделилась с ним своими заботами:

– Я очень долго ждала их, сэр, чтобы вместе с ними идти домой, потому что уже ночь, а я плохо знаю дорогу. Но больше ждать я не могу.

– И не ждите; сегодня я приехал сюда верхом, но если вы дойдете со мной до «Геральдической лилии», я найму двуколку и отвезу вас домой.

Тэсс была польщена, но она до сих пор не могла преодолеть прежнее свое недоверие к нему и предпочитала вернуться домой с работниками и работницами, хотя они и замешкались. Поэтому она ответила, что очень благодарна ему, но не хочет его затруднять.

– Я им сказала, что буду их ждать, и они это знают.

– Ладно, глупышка, как хотите.

Когда он снова закурил сигару и отошел от нее, жители Трэнтриджа, сидевшие в трактире, вспомнили, что час поздний, и всей компанией принялись собираться в дорогу. Они разыскали свои узелки и корзинки и через полчаса, когда куранты пробили четверть двенадцатого, все уже плелось по проселочной дороге, которая поднималась на холм в том направлении, где пряталась в темноте их деревушка.

Нужно было пройти три мили по сухой белой дороге, которая казалась еще белее от лунного света.

Тэсс, шагая в середине толпы, вскоре заметила, что от свежего ночного воздуха мужчины, хлебнувшие лишнего, начинают покачиваться и идут зигзагами; некоторые из наиболее легкомысленных женщин тоже нетвердо держались на ногах: например, смуглая Кар Дарч – бой-баба, прозванная Пиковой Дамой и до последнего времени бывшая фавориткой д'Эрбервилля, ее сестра Нэнси, носившая прозвище Бубновая Дама, и новобрачная, которая упала во время танцев. Хотя трезвый человек счел бы их в эту минуту грубыми и неуклюжими, сами они придерживались другого мнения. Шли они по дороге, но им казалось, будто они парят в воздухе, предаваясь мыслям оригинальным и глубоким, и сливаются с окружающей природой в единое, гармоничное и блаженное целое. Они были не менее величественны, чем луна и звезды над ними, а луна и звезды были так же пламенны, как они.

Тэсс, которой в доме отца из-за подобных радостей пришлось пережить много горьких минут, совсем расстроилась, заметив их состояние, и это открытие окончательно испортило ей прогулку при лунном свете. Однако, по вышеупомянутым причинам, она продолжала идти вместе с толпой.

По дороге они шли вразброд, но теперь им надо было свернуть на тропу, пересекавшую луг, обнесенный изгородью, и так как идущие впереди женщины замешкались у калитки, то за это время подошли все остальные.

Вожаком группы была Кар – Пиковая Дама, – которая несла плетеную корзинку со своими обновками и провизией, закупленной ее матерью на всю следующую неделю. Корзинка была большая и тяжелая; Кар для удобства поставила ее себе на голову и шла подбоченившись, удерживая ее в равновесии.

– Послушай, Кар Дарч, что это ползет у тебя по спине? – спросил вдруг кто-то из толпы.

Все посмотрели на Кар. По ее светлому ситцевому платью змеилась какая-то темная веревка, напоминавшая косу китайца. Она начиналась от затылка и оканчивалась значительно ниже талии.

– У нее волосы распустились, – отозвался другой.

Нет, это были не волосы: это была черная струйка, просачивающаяся из ее корзинки, и в холодных недвижных лучах луны она сверкала, как мокрая змея.

– Это патока, – сказала одна наблюдательная матрона.

Да, это была патока. Бедная старая бабушка Кар питала слабость к этому приторному лакомству; меду у нее было сколько угодно из ее собственных ульев, но она любила патоку, – и Кар хотелось неожиданно ее порадовать. Быстро сняв с головы корзину, смуглая девушка обнаружила, что банка с патокой разбилась.

К этому времени, разглядев как следует чудную спину Кар, все окружающие уже показывались со смеху, а раздосадованная Пиковая Дама думала только о том, как избавиться от непрошеного украшения без помощи насмешников. Выбежав на луг, который им предстояло пересечь, она легла на спину и, упираясь локтями в землю, принялась ерзать по траве, чтобы стереть патоку с платья.

Хохот стал громче; зрители цеплялись за калитку и столбы, опирались на палки и смеялись до колик, созерцая это зрелище. Наша героиня, которая до сих пор сохраняла серьезность, вдруг не выдержала и тоже громко рассмеялась.

Этот смех оказался роковым – во многих отношениях. Едва лишь Пиковая Дама слышала среди общего хохота звонкий, мелодичный смех Тэсс, как долго тлевшая в ее душе ненависть к сопернице внезапно вспыхнула, доведя ее до исступления. Она вскочила с травы и в ярости кинулась к Тэсс.

– Как ты смеешь смеяться надо мной, девка? – крикнула она.

– Право же, я не могла удержаться, когда все смеялись, – извиняющимся тоном сказала Тэсс, все еще смеясь.

– А ты думаешь, что ты лучше всех, да? Потому что теперь ты у него первая любовница? Ну, подождите, миледи, подождите! Я стбю двух таких, как вы! Сейчас я тебе покажу!

К ужасу Тэсс, Пиковая Дама начала расшнуровывать корсаж – в сущности, она рада была от него избавиться, так как он был весь в патоке, – и обнажила свою полную шею, плечи и руки, которые в лунном свете казались сияющими и прекрасными, словно созданные Праксителем: у этой деревенской красотки они были безупречной формы. Она сжала кулаки и двинулась на Тэсс.

– Не буду я драться! – величественно сказала Тэсс. – И знай я, какова ты есть, не стала бы мараться и пошла бы одна – я с потаскухами дела не имею!

К сожалению, эта реплика допускала слишком широкое толкование, и на злополучную голову красавицы Тэсс посыпались ругательства, срывавшиеся и с других уст, в особенности с уст Бубновой Дамы, которая, находясь с д'Эрбервиллем в тех отношениях, какие приписывались и Кар, объединилась с последней против общего врага. Их поддержали и другие женщины, проявив при этом такую злобу, что лишь очень весело проведенный вечер мог объяснить, почему у них не хватило ума ее скрыть. Считая Тэсс незаслуженно оскорбленной, мужа и любовники попытались восстановить мир, заступаясь за девушку, но эта попытка только подлила масла в огонь.

Тэсс была вне себя от негодования и стыда. Теперь она уже не боялась ни позднего времени, ни возвращения домой в одиночестве; единственным ее желанием было поскорее избавиться от всей компании. Она прекрасно знала, что лучшие из них пожалеют на следующий день о своей вспышке. К этому времени все они уже вышли на луг, и Тэсс начала тихонько пятиться, чтобы выбраться из толпы и убежать, как вдруг из-за угла изгороди,

заслонявшей дорогу, показался приблизившийся неслышно всадник. Это был Алек д'Эрбервилль.

– Какого черта вы так расшумелись? – спросил он.

Объяснение заставило себя ждать, да он, в сущности, и не нуждался в нем. Еще издали, услышав возбужденные голоса, он поехал тише и узнал достаточно, чтобы удовлетворить свое любопытство.

Тэсс стояла в стороне, недалеко от калитки. Он наклонился к ней.

– Прыгайте в седло, и мы удерем от этих визгливых кошек! – шепнул он.

Она была близка к обмороку, так остро она ощущала все происходящее. При всяких других обстоятельствах она отказалась бы от его помощи, как отказывалась уже не раз, и даже чувство одиночества не принудило бы ее поступить иначе. Но приглашение последовало в ту минуту, когда страх и негодование, внушенные врагами, могли благодаря одному движению превратиться в торжество над ними, и Тэсс, подчиняясь порыву, поставила ногу на носок его сапога, подпрыгнула и очутилась в седле позади него.

Они уже скрылись во мраке, когда пьяные забияки сообразили наконец, в чем дело.

Пиковая Дама, забыв о пятне на своем корсаже, встала рядом с Бубновой Дамой и подвыпившей новобрачной, – все трое напряженно смотрели в ту сторону, откуда, замирая, доносился топот.

– Куда вы смотрите? – спросил один работник, не заметивший, что произошло.

– Хо-хо-хо! – захохотала смуглая Кар.

– Хи-хи-хи! – захихикала подвыпившая молодка, опираясь на руку любящего мужа.

– Ха-ха-ха! – вторила мать смуглой Кар и, поглаживая свои усики, коротко объяснила: – Из огня да в полымя!

А затем эти дети природы, которым даже чрезмерное количество спиртного не причиняло большого вреда, побрели по тропинке, пересекающей луг, и вместе с ними двигались их тени, а головы теней обведены были опаловым кругом – лунным сиянием на сверкающей росе. Каждый видел только свой ореол, который не покидал его тени, как бы вульгарно она ни раскачивалась из стороны в сторону, – наоборот, тем теснее казался он с ней связанным, украшая ее и преображая; и вот уже спотыкающиеся движения стали неотъемлемой частью сияния, а насыщенное алкоголем дыхание претворилось в туманы ночи – дух темного луга, лунного света, самой природы слился в единую гармонию с духом пьяного веселья.

XI

Сначала лошадь скакала легким галопом, а парочка хранила молчание. Тэсс, цепляясь за своего спутника, все еще переживала свой триумф, но у нее уже возникали и опасения. Она заметила, что ехали они не на той горячей лошади, на которой он иногда ездил, и, хотя ей трудно было держаться в седле, волновалась не по этому поводу. Она попросила его пустить лошадь шагом, и Алек послушно исполнил ее просьбу.

– Чисто было сделано, не правда ли, милая Тэсс? – спросил он затем.

– Да! – ответила она. – И я, конечно, должна быть вам очень благодарна.

– А вы благодарны?

Она промолчала.

– Тэсс, почему вам так неприятно, когда я вас целую?

– Я думаю, потому... что я вас не люблю.

– Вы уверены?

– Иногда я сержусь на вас.

– А! Я этого опасался. – Однако Алек не возражал против такого признания: что угодно – только не холодность. – Почему, когда я вас рассердил, вы мне об этом не сказали?

– Вы прекрасно знаете почему. Потому что здесь я чувствую себя зависимой.

– Я не часто обижал вас ухаживанием.

– Иногда обижали.

– Сколько раз?

– Вы знаете не хуже, чем я, – слишком часто.

– Каждый раз, как я старался вам понравиться?

Она ничего не ответила. Довольно долго лошадь шла иноходью, пока наконец их не окутал слабый светящийся туман, поднявшийся из ложбин и оврагов, где он клубился еще на закате. И в тумане лунный свет казался еще ярче, чем ясной ночью. По этой ли причине, а может быть, по рассеянности или потому, что у нее глаза слипались, но Тэсс не заметила, что они давно уже миновали то место, где от главной дороги ответвлялась проселочная дорога, ведущая к Трэнтриджу, и что спутник ее не свернул на эту дорогу.

Она невыразимо устала. Всю неделю она вставала в пять часов утра и целыми днями не присаживалась, сегодня вечером прошла вдобавок три мили пешком до Чэзборо, ждала три часа своих товаров и ничего не ела и не пила, охваченная нетерпением поскорее вернуться домой; потом прошла пешком еще милю и пережила бурное волнение ссоры, а теперь было уже около часу ночи. Но по-настоящему задремала она только один раз. И тогда в забытьи на секунду прислонилась к нему.

Д'Эрбервилль вынул ногу из стремени, повернулся в седле и обнял ее за талию, не давая упасть.

Тэсс мгновенно очнулась и, подчиняясь одному из тех порывов бессознательного протеста, которые были ей свойственны, слегка оттолкнула его. Он с трудом сохранил равновесие и не упал только потому, что лошадь, на которой ехал, была хотя и сильная, но очень смиренная.

– Это чертовски несправедливо! – воскликнул он. – Я ничего дурного не имел в виду, хотел только поддержать вас.

Она недоверчиво обдумывала его слова; наконец, решив, что это похоже на правду, смягчилась и сказала смиренно:

– Простите меня, сэр.

– Не прощу, если вы не будете хоть сколько-нибудь мне доверять. Черт возьми! – не выдержал он. – И долго я буду терпеть, чтобы меня отталкивала какая-то девчонка? Вот уже

скоро три месяца, как вы смеетесь над моими чувствами, избегаете меня, браните. Я этого сносить не намерен.

– Завтра я уйду от вас, сэр.

– Нет, завтра вы от меня не уйдете! Я еще раз прошу, докажите, что вы доверяете мне, и позвольте обнять вас за талию! Послушайте, сейчас мы одни. Друг друга мы знаем хорошо, и вы знаете, что я вас люблю и считаю самой хорошенькой девушкой в мире. Да это так и есть! Могу я ухаживать за вами, как влюбленный?

Она тревожно перевела дыхание, смущенно повернулась в седле и, глядя вдаль, прошептала:

– Не знаю... я бы хотела... как могу я сказать «да» или «нет», когда...

Он разрешил вопрос, обняв ее, как ему хотелось, и Тэсс больше не протестовала. Так сидели они бок о бок, пока ей не пришло в голову, что едут они бесконечно долго, значительно дольше, чем полагается ехать из Чэзборо даже шагом, и едут не по проезжей дороге, а по простой тропе.

– Да где же это мы? – воскликнула она.

– Проезжаем лес.

– Лес... какой лес? Да ведь это совсем не по дороге.

– Это Заповедник – самый старый лес в Англии. Ночь чудесная, и почему бы нам не продлить нашей прогулки?

– Как могли вы меня так обмануть? – сказала Тэсс не то кокетливо, не то испуганно и освободилась от обнимавшей ее руки, отогнув его пальцы один за другим, хотя и рисковала соскользнуть с лошади. – И как раз теперь, когда я вам доверилась и не стала с вами спорить, чтобы доставить вам удовольствие, потому что думала, что зря вас обидела, оттолкнув. Пожалуйста, дайте мне сойти с лошади, я пойду домой пешком.

– Вы не могли бы идти пешком, милочка, даже если бы ночь была ясная. Должен вам сказать, что мы находимся за много миль от Трэнтриджа, туман сгущается, и вы всю ночь будете блуждать по лесу.

– Ничего! Прошу вас, спустите меня, – упрашивала она. – Мне все равно, где бы мы ни находились, только, прошу вас, сэр, дайте мне сойти с лошади!

– Хорошо, согласен, но при одном условии. Я вас завез в эти глухие места, и, что бы вы об этом ни думали, на мне лежит ответственность за ваше благополучное возвращение домой. Идти вам одной в Трэнтридж невыносимо, потому что, говоря правду, дорогая моя, я и сам хорошенько не знаю, где мы находимся, – в этом тумане даже знакомые места кажутся незнакомыми. Я охотно дам вам здесь сойти, если вы обещаете подождать возле лошади, а я пойду бродить по лесу, пока не найду дороги или какого-нибудь дома и не узнаю точно, где мы находимся. Когда я вернусь и укажу вам направление, вы можете поступить как угодно: хотите идти пешком – идите, хотите ехать – поедem.

Она приняла эти условия и соскользнула с лошади, но Алек успел ее поцеловать и спрыгнул с другой стороны.

– Я должна держать лошадь? – спросила она.

– В этом нет необходимости, – ответил Алек, поглаживая тяжело дышавшее животное. – Сегодня ей уж никуда бежать не захочется.

Он повернул лошадь головой в кусты и привязал к суку; потом устроил для Тэсс гнездышко из опавших листьев.

– Посидите тут, – сказал он. – Листья не пропустят сырости. Посматривайте изредка на лошадь – этого вполне достаточно.

Он отошел от нее на несколько шагов, потом вернулся и сказал:

– Кстати, Тэсс, сегодня кто-то подарил вашему отцу нового жеребца.

– Кто-то? Вы!

Д'Эрбервилль кивнул.

– О, какой вы добрый! – воскликнула она, мучительно сознавая, как некстати случилось, что благодарить его она принуждена именно теперь.

– А дети получили игрушки.

– Я не знала... что вы им что-нибудь посылали, – прошептала она, растроганная. – И почти жалею, что вы это сделали... да, почти жалею.

– Почему, дорогая?

– Это меня очень... стесняет.

– Тэсси, неужели вы не любите меня хоть чуточку?

– Я благодарна вам, – неохотно призналась она, – но боюсь, что не...

Внезапно поняв, что он действовал под влиянием страсти, она опечалилась: слезинка медленно скатилась у нее по щеке, за первой последовала вторая, и Тэсс расплакалась.

– Не плачьте, милая, дорогая! Ну, сядьте здесь и подождите, пока я приду.

Безвольно она села на собранную им кучу листьев и слегка вздрогнула.

– Вам холодно?

– Не очень... чуть-чуть.

Он коснулся ее платья, и его пальцы словно утонули в пене.

– На вас только это воздушное муслиновое платье... как же так?

– Это мое лучшее летнее платье. Когда я вышла из дому, было очень тепло, и я не знала, что мне придется ехать, да еще ночью.

– Ночи в сентябре холодные. Подождите-ка...

Сняв с себя легкое пальто, он нежно накинул его ей на плечи.

– Вот так, теперь вы согреетесь, – сказал он. – Отдыхайте, моя красавица, я скоро вернусь.

Застегнув пальто у нее под подбородком, он нырнул в паутину тумана, который к тому времени уже клубился между деревьями. Она слышала, как шуршали ветки, когда он взбирался на холм, потом шум стал глуше, напоминая шорох птицы, и наконец замер. Луна заходила, бледный свет тускнел, и Тэсс, погруженную в мечты, нельзя было разглядеть на ковре из листьев, где он ее оставил.

Алек д'Эрбервилль поднимался по склону, так как действительно не был уверен, в какой части Заповедника они находятся. По правде говоря, последний час он ехал куда глаза глядят, сворачивая наобум, только чтобы затянуть прогулку, и обращал больше внимания на залитую лунным светом Тэсс, чем на дорожные приметы. Теперь, отыскивая дорогу, он не спешил, так как измученная лошадь нуждалась в отдыхе. Спустившись с холма в прилегающую долину, он увидел изгородь, а за ней дорогу, которую узнал, и вопрос об их местонахождении был решен. Д'Эрбервилль повернул назад. Но к тому времени луна закатилась, и окутанный туманом Заповедник погрузился в глубокую тьму, хотя утро было уже близко. Вынужденный идти с протянутыми вперед руками, чтобы раздвигать ветви, д'Эрбервилль вскоре обнаружил, что найти место, откуда он начал поиски, не так-то легко. Бродя вокруг, то взбираясь на холм, то спускаясь, он услышал наконец шорох – лошадь была от него в двух шагах – и неожиданно задел ногой рукав своего пальто.

– Тэсс! – окликнул д'Эрбервилль.

Ответа не было. В непроницаемой тьме он видел у своих ног только бледное облачко, – там, где оставил на куче сухих листьев девушку в белом муслиновом платье. Все остальное вокруг сливалось в черноту. Д'Эрбервилль наклонился и услышал тихое, ровное дыхание. Он опустился на колени, склонился ниже, почувствовал ее теплое дыхание на своем лице, и через секунду его щека коснулась ее щеки. Тэсс крепко спала, а на ресницах ее еще не высохли слезинки.

Кругом правили тьма и молчание. Над ними вставали вековые тисы и дубы Заповедника, в ветвях которых приютились птицы, досыпая последний предутренний сон, а на земле прыгали кролики и зайцы. Но где же был ангел-хранитель Тэсс? Где было провидение, в которое она простодушно верила? Или, подобно другому богу, о котором говорит скептический Фесвитянин, оно развлекалось беседой с кем-нибудь, кого-нибудь преследовало либо просто путешествовало? А может быть, оно спало и не желало просыпаться?

Почему случилось так, что эта прекрасная женская душа, чувствительная, как паутинка, и, в сущности, чистая, как снег, обречена была носить клеймо? В течение тысячелетий умозрительная философия не могла нам, жаждущим гармонии, объяснить: почему так часто грубое берет верх над прекрасным, почему хорошей женщиной завладевает недостойный мужчина, а хорошим мужчиной – недостойная женщина. Остается, конечно, допустить, что эта катастрофа могла быть возмездием. Несомненно, в былые времена кто-нибудь из одетых в кольчугу предков Тэсс д'Эрбервилль, возвращаясь навеселе домой после битвы, причинял деревенским девушкам то же зло, если не с большей жестокостью. Но если возмездие, карающее детей за грехи отцов, и может с точки зрения морали удовлетворить богов – заурядный человек такую мораль презирает, и потому она не исправит дела.

Земляки Тэсс в своей глуши не устают со свойственным им фатализмом твердить друг другу: «Так было суждено». А это печально. Отныне неизмеримая пропасть должна отделять нашу героиню от той девушки, которая ушла из дома матери, чтобы попытать счастья на птичьей ферме в Трэнтридже.

Фаза вторая

XII

Корзинка была тяжелая, а узел большой, но она тащила их, как человек, который не обращает особого внимания на материальную ношу. Иногда, чтобы отдохнуть, она машинально останавливалась у какой-нибудь калитки или столба, потом, подхватив вещи полной, круглой рукой, снова шла вперед.

Было воскресное утро в конце октября; около четырех месяцев прошло с тех пор, как Тэсс Дарбейфилд приехала в Трэнтридж, и всего несколько недель после ночной поездки в Заповедник. Недавно рассвело, и желтое сияние на горизонте за ее спиной освещало гряды холмов, к которой обращено было ее лицо, – барьер, замыкающий долину, где она так давно не была, который предстояло ей преодолеть, чтобы вернуться туда, где она родилась. С этой стороны подъем был некрутой, а пейзаж и почва в этой местности резко отличались от пейзажа и почвы Блекмурской долины. Даже нравы и наречия людей, разделенных холмистой грядой, были чем-то различны, несмотря на связывающую их железную дорогу; поэтому родная деревня Тэсс, находившаяся только в двадцати милях от Трэнтриджа, казалась местом очень отдаленным. Крестьяне, запертые там, в долине, вели торговлю на севере и западе, ездили на север и на запад, там же ухаживали и женились, и мысли их устремлены были на север и запад, тогда как жившие по эту сторону гряды направляли свое внимание и энергию на восток и юг.

Склон был тот самый, с которого д'Эрбервилль так бешено мчал ее в памятный июньский день. Не останавливаясь, Тэсс поднялась на вершину холма и, дойдя до края откоса, посмотрела вдаль, на знакомый зеленый мир, пока окутанный полупрозрачной дымкой. Отсюда он всегда был прекрасен, но сегодня он казался Тэсс особенно прекрасным, ибо она познала с тех пор, как видела его в последний раз, что змея шипит там, где нежно поют птицы, – и после этого урока взгляд ее на жизнь стал совсем иным. Поистине другой девушкой – не той, что жила в родном доме, – была она теперь, когда стояла здесь, склонившись под бременем мыслей. Потом она оглянулась и посмотрела назад. Не могла она смотреть вперед, на долину.

На длинной белой дороге, по которой она только что прошла, Тэсс увидела двухколесный экипаж и шедшего подле него человека, который поднял руку, чтобы привлечь ее внимание.

Повинуясь знаку, она с бездумным спокойствием ждала его, и через несколько минут человек и лошадь остановились подле нее.

– Зачем ты улизнула тайком? – с упреком спросил запыхавшийся д'Эрбервилль. – Да еще в воскресное утро, когда все спят. Я узнал об этом случайно и скакал, как черт, чтобы догнать тебя. Ты только взгляни на кобылу. Зачем было удирать? Ты знала – никто не помешал бы тебе уйти. И незачем было тебе плестись пешком и тащить такую тяжесть. Я скакал как сумасшедший только для того, чтобы подвезти тебя, если ты не хочешь вернуться.

– Я не вернусь, – отозвалась она.

– Так я и думал. Ну, клади свои узлы, и дай я подсажу тебя.

Она небрежно бросила корзину и узел в кабриолет, влезла в него, и они сели рядом. Теперь она несколько его не боялась, но причина этого доверия и делала ее несчастной.

Д'Эрбервилль машинально закурил сигару, и они продолжали путь; иногда перебрасывались двумя-тремя вялыми словами о том, что виднелось у дороги. Он совсем забыл о том, как попытался насильно поцеловать ее, когда они в начале лета ехали тем же путем,

но в противоположную сторону. Зато она не забыла и теперь сидела, как марионетка, односложно отвечая на его замечания. Вдали показалась рощица, за которой находилась деревня Марлот. И только тогда волнение отразилось на неподвижном лице Тэсс и две слезы скатились по ее щекам.

– О чем ты плачешь? – холодно спросил он.

– Я только подумала, что родилась там, – прошептала она.

– Ну что ж, все мы должны были где-нибудь родиться.

– Хорошо, если бы я совсем не родилась... ни там, ни в другом месте.

– Вздор! Ну а если ты не хотела ехать в Трэнтридж, зачем же ты приехала?

Она не ответила.

– Готов поклясться, что приехала ты не из любви ко мне.

– Это верно. Если бы я поехала из любви к вам, если бы хоть когда-нибудь вас любила, если бы любила и теперь, я бы так не презирала и не ненавидела себя за свою слабость, как ненавижу сейчас! Вы ненадолго вскружили мне голову, вот и все.

Он пожал плечами, а она продолжала:

– Я не понимала, чего вы добивались, пока не стал о слишком поздно.

– Так говорит каждая женщина.

– Как вы смее! – крикнула она, резко повернувшись к нему, и глаза ее вспыхнули, когда в ней проснулась дремлющая сила духа (с которой впоследствии предстояло ему познакомиться ближе). – Боже мой! Я готова вышвырнуть вас из экипажа. То, что говорит каждая женщина, иные из них чувствуют. Неужели вам никогда не приходило это в голову?

– Ну, хорошо! – засмеялся он. – Жалею, что тебя обидел. Признаюсь, я виноват. – И с легкой горечью он продолжал: – Но все-таки тебе не следовало без конца упрекать меня за это. Я готов оплатить все до последнего фартинга. Ты знаешь, что теперь тебе не нужно работать на поле или молочных фермах, знаешь, что можешь носить лучшие платья, – а последнее время ты нарочно одеваешься как можно проще, словно у тебя даже на лишнюю ленту нет денег.

Уголки ее губ слегка опустились, хотя великодушному привязчивому характеру Тэсс, в сущности, не была свойственна презрительность.

– Я сказала, что больше ничего не буду у вас брать, – и не возьму, не могу взять. Если бы я продолжала это делать, тогда я действительно была бы вашей, а я не хочу.

– Судя по твоим манерам, можно подумать, что ты не только подлинная и бесспорная д'Эрбервилль, но вдобавок еще и принцесса – ха-ха! Ну, милая Тэсс, больше мне нечего сказать. Должно быть, я скверный человек, чертовски скверный. Скверным я родился, скверно жил и – что весьма возможно – скверным и умру. Но клянусь своей пропащей душой, больше я не причиню тебе зла, Тэсс. И если возникнут некоторые осложнения – ты понимаешь? – если ты будешь хоть в чем-нибудь нуждаться или столкнешься с какими-нибудь затруднениями, напиши мне одну строчку, и ты получишь все, чего бы ни потребовалось. Быть может, меня не будет в Трэнтридже... на время я уеду в Лондон – не могу выносить старуху, – но все письма будут мне пересылать.

Она сказала, что не хочет ехать с ним дальше, и они остановились возле рощицы. Д'Эрбервилль прыгнул первый, подхватил Тэсс на руки, поставил на землю, а затем положил подле нее ее вещи. Она кивнула ему, и на секунду глаза их встретились, а потом отвернулась, чтобы взять вещи и уйти.

Алек д'Эрбервилль вынул изо рта сигару, наклонился к ней и сказал:

– Ты не уйдешь от меня так, дорогая? Ну?

– Как хотите, – равнодушно ответила она. – Видите, какой покорной я стала!

Она повернулась, приблизила к нему свое лицо и стояла, словно мраморная статуя, пока он целовал ее в щеку, – поцелуй был, пожалуй, небрежен, хотя страсть не совсем еще

угасла. Рассеянно смотрела она на дальние деревья, оставаясь совершенно безразличной к тому, что он делал.

– А теперь другую щеку – ради старого знакомства.

Она повернула голову так же безучастно, как это делают по просьбе художника или парикмахера, и он снова поцеловал ее; губы его коснулись ее щеки, влажной, гладкой и прохладной, как кожица грибов, которые росли вокруг них.

– Ты не даешь мне своих губ и не целуешь меня. Ты никогда не делаешь этого по своей воле; боюсь, ты никогда меня не полюбишь.

– Я это часто говорила. Это правда. Я никогда по-настоящему вас не любила и думаю, что не могу любить. – Она добавила уныло: – Быть может, сейчас ложь принесла бы мне больше пользы... Но настолько хватит у меня честности – хотя и мало ее осталось, – чтобы не солгать. Если бы я вас любила, у меня были бы все основания сказать это вам. Но я не люблю.

Он тяжело вздохнул, словно с этой сценой не мирилась его душа, совесть или порядочность.

– Глупо, что ты так грустна, Тэсс. Мне незачем льстить тебе теперь, и я могу смело сказать, что по красоте ты не уступаешь ни одной женщине в наших краях – ни простолюдинке, ни аристократке. Я это тебе говорю как человек практичный и твой доброжелатель. Будь разумной и, пока красота не увяла, показывай ее людям больше, чем показываешь теперь. А все-таки, Тэсс, не вернешься ли ты ко мне? Честное слово, мне неприятно так отпускать тебя.

– Никогда, никогда! Я это решила, как только поняла... то, что должна была понять раньше. И я не вернусь.

– Ну так всего хорошего, моя кузина на четыре месяца... до свидания!

Он легко вскочил в экипаж, взял вожжи и поехал по дороге между высокими живыми изгородями, усыпанными красными ягодами.

Тэсс не смотрела ему вслед, она медленно брела по извилистой тропе. Было еще рано, и хотя солнце уже поднялось над холмом, лучи его, невеселые и редкие, были только видимы глазу, но не грели. Вблизи не было видно ни одного человека. Печальный октябрь и печальная Тэсс, казалось, были единственными тенями на этой проселочной дороге.

Но вот чьи-то шаги послышались за ее спиной – шаги мужчины; а так как шел он быстро, то догнал ее и сказал «доброе утро», едва она успела заметить, что за ней идут. Он походил на ремесленника и нес жестянку с красной краской. Деловым тоном он спросил, не помочь ли ей нести корзинку, на что Тэсс согласилась и пошла рядом с ним.

– Раненько встали для воскресного утра, – весело сказал он.

– Да, – отозвалась Тэсс.

– Народ еще спит после трудовой недели.

Она и с этим согласилась.

– Хотя я настоящее дело делаю сегодня, а не в будни.

– Вот как?

– Целую неделю я работаю во славу людей, а по воскресеньям – во славу божью. Это стоит большего, а? Вот здесь, у этого перелаза, мне нужно поработать.

С этими словами он остановился у перелаза в изгороди, окружавшей пастбище.

– Подождите минутку, я вас не задержу.

Так как ее корзинка была у него, то ей ничего иного не оставалось. От нечего делать она наблюдала за ним. Он поставил ее корзинку и жестянку на землю, размешал краску кистью, торчавшей в жестянке, и стал выводить большие квадратные буквы на средней из трех досок перелаза, ставя после каждого слова запятую, словно желая дать передышку, чтобы слово проникло в сердце читающего:

ПОГИБЕЛЬ, ТВОЯ, НЕ, ДРЕМЛЕТ.

2-е Посл. ап. Петра, II, 3.

На фоне мирного пейзажа, бледных, блеклых тонов рощи, голубого неба и замшелых досок перелаза эти алые слова выглядели особенно яркими. Казалось, они выкрикивали себя и звенели в воздухе. Быть может, кто-нибудь и воскликнул бы: «Увы, бедное богословие!» – при виде этого отвратительного искажения – последней нелепой фазы религии, которая в свое время хорошо послужила человечеству, – но в душу Тэсс они проникли как беспощадное обвинение. Словно этот человек знал все, что с ней случилось; однако она видела его впервые.

Дописав это изречение, он подхватил ее корзинку, и Тэсс машинально последовала за ним.

– Вы верите в то, что пишете? – тихо спросила она.

– В эти апостольские слова? Верю ли я в то, что живу?

– Но допустим, – с дрожью в голосе продолжала она, – человек не стремился к греху?

Он покачал головой:

– Дело это такое важное, что я не могу вдаваться в тонкости. Этим летом я прошел сотню миль, исколесил вдоль и поперек всю округу и на всех стенах, калитках и перелазах писал слово божие. А толкование я предоставляю сердцам людей, которые их читают.

– По-моему, они ужасны, – сказала Тэсс. – Жестоки! Убийственны!

– Такими они и должны быть! – ответил он тоном профессионала. – А вот почитали бы вы самые мои горяченькие изречения – я их приберегаю для трущоб и морских портов. Прямо в дрожь бросает! Ну а это очень хорошее изречение для сельской местности... А... вон там, у амбара, чистый кусок стены пропадает зря. Напишу-ка я заповедь – ту, которую полезно помнить опасным красоткам вроде вас. Вы подождете, мисс?

– Нет, – сказала она.

И, взяв свою корзинку, Тэсс пошла дальше. Отойдя на несколько шагов, она оглянулась. Старая серая стена начала покрываться огненными письменами, и вид у нее был странный, непривычный, словно ее угнетала эта новая обязанность, которая возлагалась на нее впервые. И вдруг Тэсс, вспыхнув, поняла, какова будет надпись, дописанная им до половины:

ТЫ, НЕ, СОТВОРИШЬ...

Ее веселый приятель, заметив, что она оглянулась, придержал свою кисть и крикнул:

– Если захотите порасспросить о тех вещах, о каких мы с вами толковали, то сегодня в том приходе, куда вы идете, будет говорить проповедь один очень ревностный священник, мистер Клэр из Эмминстера. Я теперь расхожусь с ним в убеждениях, но человек он хороший и объяснит все не хуже любого другого священника. Он-то и заронил в меня искру.

Но Тэсс ничего не ответила; охваченная волнением, она пошла дальше, не отрывая глаз от земли.

– Вздор! Не верю я, чтобы бог говорил такие вещи! – сказала она презрительно, когда румянец сбежал с ее лица.

Перистый дымок внезапно вырвался из трубы отцовского дома, при виде которого у нее сжалось сердце. И еще тяжелее стало на сердце, когда она вошла в комнату. Мать только что спустилась вниз, теперь стояла на коленях перед очагом, подкладывая дубовые ветки под котелок с завтраком, повернулась к ней. Дети были еще наверху, как и отец, который по случаю воскресенья считал себя вправе полежать лишние полчаса.

– Как? Тэсс, милая! – изумленно воскликнула мать, вскакивая и целуя девушку. – Ну, как же ты живешь? А я тебя и не заметила, пока ты не подошла ко мне. Ты приехала домой справить свадьбу?

– Нет, мать, я не за тем приехала.

– Значит, на праздник?

– Да, и это будет долгий праздник, – сказала Тэсс.

– А разве твой кузен не собирается поступить по-хорошему?

– Он мне не кузен, и он не собирается на мне жениться.

Мать пристально посмотрела на нее.

– Послушай, ты мне не все сказала, – проговорила она.

Тогда Тэсс подошла к матери, спрятала лицо на ее груди и рассказала ей все.

– И ты все-таки не заставила его на тебе жениться? – сказала мать. – Любая женщина добилась бы этого – только не ты!

– Может, это и правда – любая добилась бы, только не я.

– Вот тогда бы было тебе с чем вернуться домой! – продолжала миссис Дарбейфилд, чуть не плача от досады. – После всех этих толков о тебе и о нем, – они и до нас дошли, – кто бы мог ждать, что это так кончится? Почему ты не постаралась помочь семье, вместо того чтобы думать только о себе? Знаешь ведь, что я должна работать не покладая рук, а у твоего бедного больного отца сердце обросло жиром, как сковородка. А я-то надеялась, что из этого что-нибудь выйдет! Поглядеть только на такую славную парочку, как ты с ним, когда вы уехали вместе четыре месяца назад! Подарки нам дарил. И все это, думали мы, потому, что мы ему родственники. Ну а если он нам не родственник, значит, это делалось из любви к тебе. А ты все-таки не заставила его на тебе жениться!

Заставить Алека д'Эрбервилля жениться на ней! Ему жениться на *ней*! О женитьбе он никогда не говорил ни слова. А если бы сказал? Она не знала, смогла ли бы она сделать усилие, чтобы согласиться и спасти себя в глазах окружающих. Но бедная сумасбродная мать ничего не знала о чувствах ее к этому человеку. Быть может, при таких обстоятельствах это было необычно, неестественно, необъяснимо, но факт оставался фактом, и, как она сказала, это-то и заставляло ее ненавидеть самое себя. Он никогда ей не нравился по-настоящему, а теперь и вовсе был ей неприятен. Она боялась его, дрожала в его присутствии, не устояла перед ним, когда он ловко воспользовался ее беспомощностью, потом, какое-то время ослепленная его щеголеватой внешностью, она покорно уступала ему, – но вдруг почувствовала к нему презрение, неприязнь и ушла. Вот и все. Ненависти к нему она, в сущности, не питала, но для нее это было золой и пеплом; и даже ради спасения своего доброго имени она вряд ли захотела бы выйти за него замуж.

– Тебе следовало быть поосторожнее, раз ты не собиралась женить его на себе.

– Ох, мама, мама! – крикнула измученная девушка, страстно бросаясь к матери, словно ее бедное сердце готово было разорваться. – Могла ли я что-нибудь знать? Я была ребенком, когда ушла отсюда четыре месяца назад. Почему ты не сказала, что мне надо опасаться мужчин? Почему не предостерегла меня? Богатые дамы знают, чего им остерегаться, потому что читают романы, в которых говорится о таких проделках; но я-то ничего не могла узнать, а ты мне не помогла.

Мать была побеждена.

– Я думала, ты будешь его сторониться и упустишь удобный случай, если я заговорю о его чувствах и о том, что может из этого выйти, – прошептала она, вытирая глаза передником. – Ну да теперь это дело прошлое. Что поделаешь! Не мы первые, не мы последние.

XIII

Молва о возвращении Тэсс Дарбейфилд из поместья ее богатых родственников распространилась по округе – если «молва» не слишком громкое слово для местечка, занимающего квадратную милю. К вечеру несколько молоденьких девушек, бывшие школьные товарки и знакомые Тэсс, пришли навестить ее, разодевшись в свои лучшие накрахмаленные и выглаженные платья, как и подобает, когда идешь в гости к особе, которая (по их предположениям) одержала великую победу; усевшись в кружок, они смотрели на нее с большим любопытством. Этот тридцатияродный кузен, влюбившийся в нее джентльмен из другой округи, мистер д'Эрбервилль, пользовался репутацией дерзкого волокиты и сокрушителя сердец; слух об этом начал распространяться и за пределами Трэнтриджа, благодаря чему завидное положение Тэсс казалось к тому же опасным и всех очень интересовало, – а этого бы не было, если бы ей ничто не угрожало.

Они были так глубоко заинтересованы, что девушки помолже шептали за ее спиной:

– Какая она хорошенькая! И как ей идет это нарядное платье. Должно быть, оно стоит очень дорого и, наверное, его подарок!

Тэсс, достававшая из буфета чайную посуду, не слышала этих замечаний, а если бы услышала, то могла бы быстро разубедить своих подруг. Но мать ее слышала, и тщеславие простодушной Джоан, потерявшей надежду на блестящий брак, упивалось сенсацией, вызванной блестящим флиртом. В общем, она чувствовала удовлетворение, хотя столь незначительный и мимолетный триумф лишь вредил репутации ее дочери, – в конце концов дело еще могло кончиться браком; и в благодарность за их восхищение она пригласила гостей остаться выпить чаю.

Их болтовня, смех, добродушные намеки, а главное – мимолетные вспышки зависти подействовали и на Тэсс; к концу вечера, заразившись их возбуждением, она почти развеселилась. Мраморная суровость сбежала с лица, к ней вернулась прежняя легкость движений, и она была красива, как никогда.

Иногда, не задумываясь, она отвечала тоном превосходства на их вопросы, словно признавая, что опыту ее действительно можно позавидовать. Но так мало была она, говоря словами Роберта Саута, «влюблена в собственную гибель», что иллюзия оказалась мимолетной, как молния, – вновь вступил в свои права холодный рассудок, издевающийся над минутной слабостью; ужаснувшись суетной своей гордости, она вновь замкнулась в своем безразличии.

А уныние на рассвете следующего дня... Вот миновал о воскресенье, и настал понедельник, – и не было больше праздничного наряда, ушли смеющиеся гости, и проснулась она одна на своей старой кровати, а вокруг слышалось ровное дыхание невинных малюток. Миновало волнение, вызванное ее возвращением, угас интерес к нему, и она увидела перед собой длинную каменистую дорогу, по которой должна была идти, не находя ни помощи, ни сочувствия. Ее охватило черное отчаяние, и она готова была укрыться в могиле.

Прошло несколько недель, и Тэсс ожила настолько, что решилась показаться на людях, – и воскресным утром отправилась в церковь. Она любила слушать пение – каким бы оно ни было, – любила старые псалмы, любила петь вместе с хором утренний гимн. Эта врожденная любовь к мелодии, унаследованная от распевавшей баллады матери, приводила к тому, что даже самая незатейливая музыка имела могучую власть над ее сердцем.

По некоторым причинам, желая избежать излишнего внимания односельчан, а также любезностей молодых парней, она вышла из дому еще до колокольного звона и заняла место на задней скамье под навесом галерей, куда заглядывали только старики да старухи и где среди церковной утвари и всякого хлама стояли прислоненные к стене похоронные носилки.

Прихожане входили по двое и по трое, усаживались перед ней рядами, на три четверти минуты склоняли голову, словно молясь, хотя в действительности не молились, потом, выпрямившись, принимались оглядываться по сторонам. Когда началось пение, случайно был выбран один из ее любимых гимнов – старинный лэнгдоновский напев на два голоса – впрочем, она не знала, как он называется, хотя и очень хотела бы узнать. Она думала, не облекая свои мысли в слова, о том, как необычайна и божественна власть композитора, который из своей могилы может взволновать чувствами, им одним впервые пережитыми, девушку, подобную ей, – девушку, которая никогда не слышала его имени и никогда не узнает, каким человеком он был.

Люди, оглядывавшиеся вначале, смотрели по сторонам и теперь, во время службы, и, наконец заметив ее, стали перешептываться. Она поняла, о чем они шепчутся, сердце у нее заныло, и она почувствовала, что дорога в церковь для нее закрыта.

Теперь она почти не выходила из спальни. Эта комната, которую Тэсс разделяла с детьми, была теперь ее главным прибежищем. Здесь, под несколькими квадратными ярдами соломенной крыши, следила она за ветром, снегопадами и дождями, великолепными солнечными закатами и луной в период полнолуния. Она скрывалась так старательно, что в конце концов почти все решили, что она уехала.

В эту пору своей жизни Тэсс гуляла только после заката; уйдя в лес, она меньше ощущала свое одиночество. Она умела угадывать тот сумеречный час, когда свет и тьма столь гармонично уравновешены, что напряжение дня растворяется в предчувствии ночи и человек испытывает чувство полной духовной свободы. И тогда-то тяжесть существования уменьшается до ничтожных размеров. Она не боялась теней; казалось, единственной ее мечтой было избегать людей – или, вернее, той холодной накипи, именуемой обществом, которая, столь грозная в массе, не страшна и даже достойна жалости в лице отдельных своих представителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.